

Вера Заведеева

Учитель Алексей Ильинский 12.6.1924 г. - 14.3.1945 г.
Преподобный о. Ипполит 7.10.1912 г. - 14.3.1945 г.
Погибли за Родину. Прими чистые души их с миром, о Господи!

Колокольчики мертвеца: повесть

Москва

ВЗ

2020

Вера Заведеева

Колокольчики мертвеца

«Библос»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Заведеева В. Ю.

Колокольчики мертвеца / В. Ю. Заведеева — «Библос», 2020

Ожесточенные бои в Прикарпатье, 1944 год: впереди – фашисты, а в тылу – «лесные братья». Двадцатилетний лейтенант, демобилизованный по ранению, получает партийное задание открыть школу в отдаленном хуторе к началу учебного года. Директор школы зверски убит бандеровцами, люди запуганы, детей прячут. Несмотря на упорное сопротивление хуторян и прямые угрозы, бывший разведчик, комсомолец, сумел подготовить школу и убедить учеников приступить к занятиям. Ему, ушедшему в 17 лет со второго курса педагогического техникума на фронт, нелегко давалась учебная программа, но он считал, что прежде всего должен вытащить ребят из болота национализма, в которое людей толкают бандеровцы, сочиняя дикие небылицы о Советском Союзе. Общаясь с хуторянами, он постепенно и сам начинает сомневаться в правоте всех тех догм, на которых вырос. Бандеровцы решают завербовать его в пропагандистских целях, чтобы потом раструбить на всю Европу о своих успехах, но, потерпев неудачу, устраивают над ним показательную казнь на майдане. Глумясь над пленным, они распинают его на кресте, прежде чем расстрелять. Местный священник, не надеясь более на милость палачей, закрывает собой учителя. Тяжелый серебряный крест священника, принявшего на себя град пуль, спасает учителя от смертельной раны. Ночью его ученики, крадучись, пробираются к майдану и снимают казненных с креста. Хоронят погибшего священника и прячут своего израненного учителя. Утром прибывшие из района милиционеры тайно вывозят его из хутора. Спустя двадцать лет, фронтовой друг лейтенанта, разыскивавший его многие годы, находит в подмосковном поселке, где тот жил до войны, седовласого священника, решившего посвятить себя служению Богу в память о своем спасителе. Беззаветная любовь и жертвенность одних во имя спасения человека, его души, его сознания и ослепление идеями воинствующего национализма других, толкающее их на предательство, убийство и саморазрушение, – вот главное, о чем рассказывает эта книга. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Заведеева В. Ю., 2020
© Библос, 2020

Содержание

Предисловие. Ушедшие свидетели эпохи	7
Глава первая. Командир конных разведчиков	8
Глава вторая. Скитский хутор	13
Глава третья. Учитель по приказу	17
Глава четвертая. Хуторяне	25
Глава пятая. Бандеровский лагерь	31
Глава шестая. Не отступать!	36
Глава седьмая. Убежденный атеист	42
Глава восьмая. Лесные шорохи	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вера Заведеева

Колокольчики мертвеца

© В. Ю. Заведеева, 2020.

© ООО «Библос», 2020.

* * *

*Посвящается моему отцу, ветерану войны,
Денищкому Юрию Борисовичу*

*«Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга
громадную пользу»
А. Чехов. Скрипка Ротшильда*

Предисловие. Ушедшие свидетели эпохи

«Опять весна на белом свете...», – вздыхает старенький радиоприемник на кухне. А за окном уже давно отшумели майские грозы вперемешку с праздничными салютами, уступив место ярко-зеленому жизнеутверждающему июню. В июне 2019-го Писателю исполнилось бы девяносто пять. Солидный юбилей! Немногим удастся дотянуть до него в нашей державе. Ему, ушедшему семнадцатилетним школьником 7 июля 1941-го на фронт и вернувшемуся с войны лишь в 1946-м, – не удалось. Даже краешком глаза заглянуть в новое тысячелетие – не удалось. И совсем чуть-чуть не дотянул он до своего семидесятипятилетнего юбилея, который предполагалось отметить широко и торжественно: с непременноми здравицами в СМИ, официозом в Доме литераторов и других Домах, а также ожидаемыми правительственными наградами. Он достоин этого – фронтовик, историк, журналист, писатель, общественный деятель и весьма обаятельный человек.

Бурные 90-е ушедшего века не прошли для него даром. Развал страны, за которую проливал кровь, «дикий капитализм», обобранный, униженный народ и поруганная партия, которую он не предал, несмотря на лавину страшных откровений в печати, – все это подкосило его поколение – тех, кто спас мир в страшной бойне. Одной из первых в 1991-м ушла из жизни в знак протеста ровесница-фронтовичка, писавшая пронзительные стихи, с которой его связывала работа в Доме литераторов. А он еще несколько лет после ее гибели не сдавался. Но его сердце не смогло пережить очередного инфаркта на исходе этого десятилетия, этого кровавого века, этого тысячелетия. Так стоило ли цепляться за жизнь в следующем столетии, в котором такие, как он, сделаются досадным балластом? В конце марта 1998-го его не стало.

Он ушел, но остались обрывки дневниковых записей, черновики, пожелтевшие газеты с его статьями, фотографии и письма – малая часть архива, которую удалось спасти. Чужие равнодушные руки, жадные до чужого имущества, уготовили сему «ненужному хламу» место на помойке. Доживи он до девяноста пяти лет, его бы порадовало возвращение Крыма в Россию – там он родился вскоре после Гражданской войны в семье буденновского конника. Но совсем бы не удивила, как очень многих, война на Украине: о бандеровских боевиках знал не понаслышке. Еще в далеком 1965-м, когда в стране впервые всенародно праздновали День Победы, он хотел написать книгу о своем близком друге и о том, что там творилось в те годы и уже после войны, но никто не желал даже слышать об этом – боялись задеть чьи-то национальные струны, поскольку тогда страной «рулили» выходцы из Украины. Но и в дальнейшем эта тема замалчивалась по разным причинам, а с наступлением третьего тысячелетия и вовсе стала неинтересна новым поколениям. Однако забвение истории чревато ее повторением уже на новом витке.

Глава первая. Командир конных разведчиков

В 1944-м война неудержимо катилась на Запад, но фашисты упорно сопротивлялись, все еще надеясь обрести былую прыть. Осенью в Прикарпатье шли кровопролитные бои. В только что освобожденном Станиславе еще дымились пожарища, на изрытых воронками дорогах замерли подбитые танки, всюду груды искореженного металла и битого кирпича. Но единственное в городке промышленное предприятие – маслозавод – стоит целехонький: ни авиаудары, ни ожесточенные бои не причинили ему особого вреда. Немцы не успели его взорвать, застигнутые неожиданным наступлением 4-го Украинского фронта. Попав в окружение, они неистово сопротивлялись. Их разрозненные группы вместе с бандами «лесных братьев», засевшие в лесах и на хуторах, нередко оказывались в тылу у красноармейцев. «Вычесывать» их отовсюду командование направило отряд конных разведчиков.

В зеленой дымке искореженных войной садов на окраине прикарпатского села замелькали всадники. Безусый офицер в лихо заломленной кубанке, с сияющими на солнце новенькими погонями придержал коня: он, командир конных разведчиков, должен чують врага за километр. В селе могли окопаться фашисты-окруженцы или оуновцы, беспощадные не только к чужим, но и к своим землякам. Командиру не раз доставалось от начальства за лихачество: «Зачем тебе золотые погоны? На радость снайперу?» Да еще никак не могли простить отчаянному парню кубанку – не по уставу. Но кубанка – это святое, фронтовой шик. Правда, летом в ней жарко, пот заливает глаза, а зимой уши отмерзают. И все же расставаться с этим казацким головным убором никто не хотел. Вот и за кудрявый чуб – в пехоте-то! – перестали уже ему выговаривать. Осмотрев в бинокль местность, Алексей, так звали командира, пришпорил коня. Вокруг – полуразрушенные хаты, село будто вымерло, но кто знает, что таится за этой настороженностью. Может, разведчиков давно держат на мушке?

Пролетев село, отряд рысью понесся через поле к синевшему вдали лесу. К опушке пробирались по дну заболоченного оврага. Алексей вглядывался в бинокль – пока ничего подозрительного не наблюдалось, и все же он выслал вперед пятерых бойцов. Оказалось, что немцы заняли оборону на берегу реки. «Доверяй, но проверяй. Разведчик – что охотник, и сбрехнуть может», – решил Алексей, направляясь в чащу. Пятеро бойцов двинулись за ним. Остальным приказано было оставаться на месте. В лесу сумрачно, тянет сыростью. Кони неслышно ступают по мшанику.

Прошелестев в листве, мягко упала в мох немецкая граната-колотушка. Взрыв выбил Алексея из седла, и в тот же миг его накрыла мокрая конская туша. Пули свистели над головой, осыпая хвою. Алексей выхватил парабеллум. В ельнике замелькало, затрещали автоматы. Услышав выстрелы, отряд бросился на помощь и, спешившись, сразу ввязался в бой. «Молодцы, успели, а то худо бы нам пришлось – вшестером биться с такой ордой», – мысленно похвалил своих орлов командир. Внезапно наступила тишина, и только сосновые иголки плавно опускались на землю, укрывая тела убитых.

– Фашисты, товарищ лейтенант, а с ними вроде гражданские, кто и в одном исподнем, но все с немецкими автоматами. Документов у них нет, – доложил боец.

– Бандеровец, точно, я уже повидал их, – уточнил его товарищ. – Сами зверствуют и население заставляют вредить нам. Недавно, когда стояли на отдыхе, один солдат купил на базаре водку, а в ней карбид разведен. Слеп. Сколь немцев положил, а погиб от рук этих сволочей, «благодарных» за освобождение от немцев.

– У нас потери есть? – оглядывал Алексей свое войско, морщась от боли: здорово долбанула его копытом лошадь, бившаяся в агонии.

– Есть, – расступились бойцы.

Среди погибших увидел Алексей своего закадычного друга Сашку, скрючившегося под хвойным «покрывалом». Полкового «Васю Теркина», за всю войну не получившего даже царапины. Наступление пережил, а тут...

Докладывая командиру о проведенной операции, Алексей невольно морщился, боясь наступить на пострадавшую от лошадиного копыта ногу, с усмешкой вспоминая далекое школьное: «И примешь ты смерть от коня своего». Ну прямо про него. Командир, конечно, заметил. Пришлось сознаться.

– Ничего, мы тебе пока поручим «легкое» задание – будешь комендантом Станислава, которому не дают покоя оуновцы, терзая израненный городок. Они решили во что бы то ни стало исправить «оплошность» немцев, не успевших уничтожить маслозавод, и сжечь все вокруг вместе со своими земляками.

Двадцатилетний лейтенант, назначенный комендантом Станислава, понял сразу: если бандиты взорвут завод, от городка ничего не останется, погибнут люди, едва успевшие вздохнуть после трехлетней немецкой оккупации. С кучкой бойцов он каждую ночь готовился к бою. И все же «лесные братья» застали их врасплох: как с неба свалились. Скорее всего, местные. Знают каждый камень, каждую щель. Днем они – неприметные жители, выходящие на расчистку завалов с лопатами, а ночью – рыскающие с оружием в руках враги. Как их тут выловишь?

Бились отчаянно. Комендант знал: помощи ждать неоткуда. Их воинская часть вторые сутки отражала натиск крупной банды на дальней окраине. Связи не было. И отступить некуда. Свист пуль, треск винтовок и немецких «шмайсеров» в кромешной тьме украинской ночи сливались в единое соло. Резко дернуло плечо, по руке потянулась липкая струйка. «Хорошо, что не правая... – мелькнула мысль, – плохо, что патроны на исходе...».

– Бей их, ребята! – отчаянно крикнул лейтенант, рванувшись из-за укрытия.

Завязалась рукопашная – в ход пошли штыковые лопатки. Вдруг сноп яркого света заметался по заводскому двору, ослепив на миг воюющих. «Свои! Успели! – выдохнул лейтенант. И в тот же миг неведомая сила сбила его с ног. «Подстрелили, сволочи...», – мелькнула досадная мысль и угасла.

В госпитале он узнал, что его представили к награде. За то, что выстояли, не дали погубить город и превратить всю округу в выжженную пустыню. И за личное мужество. Молодость не подвела лейтенанта: его подштопали, подлечили-откормили – и вперед! Победа уже близка – «Еще немного, еще чуть-чуть, последний бой – он трудный самый...», как будут потом вспоминать эту страшную мировую бойню. А пока лейтенант, поблескивая новеньким орденом, продолжал бить фашистов уже в Европе, отделяясь легкими ранениями, и верил, что своей крови он уже пролил достаточно и его не убьют. Ну не могут его теперь убить! Не должны! У него – вся жизнь впереди!

Шальная пуля догнала его на исходе боя. Коварная разрывная. Его быстро доставили в госпиталь – это и спасло, да еще умные руки молодого бесстрашного хирурга, будущего светила отечественной медицины.

* * *

Опять госпиталь. Но все же жив остался. Алексей целыми днями лежал, отвернувшись к стене, и молчал. Соседи старались ему не докучать. Ночами скрипел зубами от боли в раненой ноге. Спал почти сидя, опустив это огненное бревно на пол. Так было легче, но палатный врач грозил привязать его к кровати: опускать ногу вниз было смерти подобно. Начальник отделения, ежедневно осматривая рану, сердито сопел и однажды утром решительно заявил:

– Придется отнять. Чуть ниже паха. Готовьте его к операции, – бросил он медсестре, не глядя на онемевшего Алексея.

– Не дам!!

– Ну и дурак! – разозлился врач. – Сдохнешь! Антонов огонь никого не щадит!

Ночью Алексей не спал. Нога – как в кипятке. И не поймешь, что сильнее мучило – боль в ноге или в истерзанной душе: куда он безногий? Кому нужен? Рядом на койке тихо постанывал майор – ночью раненых особенно донимали боли.

– Слышь, парень, – тихонько окликнул он Алексея. – Ты раньше времени не паникуй. Тут есть один хирург, молоденький, правда. Так вот он не одного бедолагу от ампутации спас. Операции делает как-то по-новому, у фашистского хирурга пленного научился. А начальству это поперек авторитета. Вот они его и затирают. Проще – отрезал и все. А человеку всю оставшуюся жизнь майся. И вот еще что. Мне-то уже не выкарабкаться, я знаю точно. Забери мой браунинг, именной. Может, выживешь, семье моей передашь в память обо мне. Больше ничего на этой войне не нажил, кроме смертельного ранения, – горько усмехнулся он. – А ты живи, такой молодой...

Утром Алексей, прихватив соседский костыль, отправился в ординаторскую.

– Ты куда это? Испугался операции? – грозно сдвинул лохматые брови начальник отделения. – Ты же мужик! Да еще разведчик!

– Раздумал я, товарищ военврач. Решил умирать двуногим, чтобы на том свете способнее было за девками бегать.

– Вон отсюда! – завопил побагровевший доктор. – Выпишу немедленно! Подыхай под забором! Я и сам на такого наглеца время тратить не буду!

В ординаторской повисла нехорошая тишина. Все понимали, что добром это не кончится. Молодой хирург, похожий больше на вечно голодного студента, чем на опытного врача, разрядил гнетущую атмосферу:

– Я его прооперирую, – твердо заявил он. Уговорю.

– Черт с вами со всеми... Экспериментируйте, набивайте шишки... вам же и отвечать придется. А с меня довольно этого упертого идиота. Меня другие раненые ждут. «Пусть молокосос на этом упрямце себе шею свернет – вышвырнут из армии или вообще отправят в лагерь по 58-й за его “немецкие опыты”».

«Молокосос» ногу спас, хотя до полного ее заживления было далеко. Месяц спустя Алексей предстал перед комиссией. Костылик предусмотрительно оставил за дверью.

– Как вы себя чувствуете, лейтенант?

Алексей бодрился, стараясь не очень опираться на раненую ногу и обещая долечиться в медсанбате. На передовой. «Ваньки-взводные» в дивизии ой как нужны. Но доктора решили, что там и без него, хромого, справятся – война-то к концу идет. Дело ему и здесь найдется. Весьма ответственное.

– Вы же комсомолец, разведчик, геройский парень, – вкрадчиво произнес капитан в синей фуражке, сидевший в сторонке. – Должны понимать ситуацию в Прикарпатье... К тому же у вас профильное образование. Вас рекомендуют направить в небольшой хутор под Станиславом – знакомое вам место. Поработать учителем, пока все там более-менее успокоится. Детей учить надо, оторвать их от проклятой бандеровщины, чтобы они стали настоящими советскими людьми, а не бандитами.

Такого поворота Алексей никак не ожидал, уже мысленно догоняя свою часть. Какое у него «профильное» образование? Всего два курса педагогического техникума – и после сессии всей группой в военкомат. Но оказалось, что сейчас не это главное. Его задача – не столько учебная, сколько политическая. Школу нужно открыть при любых условиях. А условия там... три года фашисты и бандеровцы народ терзали, запугали вконец. О советской власти чушь всякую несли, и забитые крестьяне верили. Но детей-то, пока не поздно, надо вывозить из оуновского плена, не дать их одурманить национализмом, да и их родителей тоже. И ему придется учить ребят родной речи, истории, географии, арифметике и русскому, пока его не сменят опытные преподаватели.

На следующий день Алексею предстояло получить инструкции в горкоме партии и еще кое-где, а затем забрать потрепанные учебники и чудом уцелевшие конторские книги вместе с тетрадками в областном отделе народного образования. Да еще надо было оформить документы в военкомате. Круглолицый молодой подполковник, выписав военный билет, приказал сдать оружие. Как? Сдать пистолет, добытый в рукопашной? Такой устойчивый в руке, бьющий без промаха. Из него Алексей всаживал пулю за пулей в прикрепленный к дереву тетрадный листок с пятидесяти метров! И вообще – как остаться безоружным в предстоящей ему «командировке»? Но распространяться о том, куда его направляют, он не имел права. Капитан в синей фуражке подчеркнул это особо. Может, все же разрешат? Не домой ведь еду... к теще на блины. Но упитанный службист, затянутый ремнями, с новенькой португеей, блестящим планшетом и крохотным дамским револьверчиком в лакированной кобуре на жирном боку, был неумолим. Тыловик, конечно. Пороху не нюхал, вот перья-то и распустил.

– А ну – сдать оружие! – рявкнул подполковник, заметив насмешливый взгляд нахального мальчишки в лихо заломленной кубанке. – Как себя ведешь в учреждении? Как стоишь перед старшим по званию? Не научили? Видали мы здесь таких ухарей! Погоны долой!

Алексей шваркнул на стол тяжелую угольчатую кобуру. Подполковник вскочил, спрятал пистолет в сейф, щелкнул тугим замком. Что же теперь делать без пистолета? В самом жесточком бою стоит взять в руки оружие – и сразу успокаиваешься. И вдруг вспомнился «подарок» умирающего майора в госпитале, спрятанный в вещмешке. Выручил боевой товарищ! Не будут же его здесь обыскивать? Снимать китель и оставаться в нательной рубашке перед старшим офицером было неловко, а золотые погоны, за которые его часто корило начальство, пришиты на совесть.

– Чего ты возишься? – смягчился подполковник. – Сорви и делу конец.

– Бабушке своей советуйте! – не стерпел Алексей, аккуратно спарывая погоны финкой.

– Что?! Да я тебя... В комендатуру!

«Нужен я комендатуре, как собаке боковой карман», – подумал Алексей, но нарываться на неприятность не стал, помня о майоровом «подарке».

Глава вторая. Скитский хутор

У подножия Карпат раскинулся глухой, сумрачный Черный лес. Он тянется от древнего Тернополя до самого Львова, вплотную подступает к Станиславу, круто взбирается в гору и, перемахнув перевалы, спускается в Чехословакию. Угрюмый, заваленный буреломом, он совсем не похож на подмосковные: косматые бороды седых мхов свисают с гниющих деревьев, прелая листва проседает под ногами, затягивает. Пахнет сыростью. От малейшего движения падают источенные червецом и шашелем стволы, липкие сучья цепляются за одежду, будто звериные когти. В жару здесь влажно и душно, зловонные испарения витают над буйной травой. Бездонные провалы озер, глубокие илистые ямы, затянутые ряской, черная зловонная вода, осклизлые стволы трухлявых деревьев, гигантские темно-зеленые лопухи, тонконогие головастые поганки, серые мухоморы, петли паутины, распяленной в зарослях боярышника, – царство жирного паука с черным крестом... Гнетущая тишина, нарушаемая лишь мерзким кваканьем бородавчатых жаб, клекотаньем ржавой болотной воды и выхлопами глубинного газа, висит над этой глухоманью. Изредка лес оглашает хриплое карканье воронья, да прошепестит в траве змея – им здесь раздолье.

Люди обходят чащобу стороной, даже охотники. Особенно теперь, когда еще не утихла военная канонада.

Сюда, в предгорья Карпат, в стародавние времена, в XIII веке, бежали от хана Батые монахи Киево-Печерской лавры, разоренной монголо-татарским нашествием. Тяжек был их путь среди непроходимых чащоб, глубоких ущелий и горных рек, но святая православная вера вывела их, наконец, к Блаженному Камню на склоне горы возле целительного источника. Небольшая пещера под этим камнем и стала их первым пристанищем. Неподалеку присмотрели монахи ровную поляну у подножия горы, защищенную с другой стороны глубоким ущельем. А вокруг – частокол угрюмого ельника. Через несколько лет поднялся на поляне деревянный храм, но и в эту глушь однажды нагрянули монголо-татарские отряды и разорили его, а монахов поубивали.

Без малого четыре века минуло с тех пор, когда, наконец, вновь затеплилась жизнь в этом святом месте благодаря пришедшему с Афона монаху-схимнику, овеванному славой благочестивого набожного пустынноика. Несколько лет провел он со своими учениками в пещере под Блаженным Камнем в бдении и молитвах. Слух о лесных монахах облетел все Прикарпатье, и потянулись к Блаженному Камню те, кто желал уединения в поисках Бога. Вновь поднялась на поляне деревянная церковь в окружении крепостных стен, к которым лепились монашеские кельи. Так начинался Манявский скит – православный монастырь на воинственной католической земле.

За полвека слава о чудо-монастыре, почитаемом и Богданом Хмельницким, и польским королем Яном Казимиром, перелетела уже через Карпатские горы. Но напавшие на Польшу турки не пощадили его – сожгли дотла вместе с бесценными реликвиями и обширной библиотекой. Долгие годы восстанавливали разоренный монастырь монахи, по-прежнему стекавшие отовсюду к этому святому месту. Однако униатская церковь не могла простить православному монастырю того, что он в очередной раз возродился из пепла. Манявский скит повелением австрийского двора был закрыт. Монастырь опустел, постепенно превращаясь в руины.

Святое место, как магнитом, притягивало людей: еще до нашествия французов сюда бежали уцелевшие монахи, староверы и беглые людишки. Строили в некотором отдалении от разоренного скита избушки, отвоевывали землю у леса, распахивали ее и засевали. Урожая и до весны не хватало, поэтому пробавлялись охотой, бортничеством, гоняли плоты по буйным рекам, добывали соль под Солотвином, а иные хаживали и на нефтепромыслы. Трудились от зари до зари, но жили скудно. Со временем прознали о них власти. Обложили налогами, отметили поселение на карте и нарекли его Скитским хутором.

Разный народ прижился здесь: западные украинцы, беглые русаки, подоляне с певучим говорком, угрюмые полешуки, поляки и прочий люд. Шли годы, мешалась кровь. Хватало тут и австрийской, и сербской, и мадьярской, и польской. Говорили все на причудливом смешении «дванадцяти языков». Молились по-разному. «Отче наш» соседствовал с призывами к Матке Боске Ченстоховской. Поляки-католики крестились двумя пальцами, а украинцы – ладонью. Шипели на иноверцев, проклинали безбожников и дружно падали на колени перед гипсовым Иисусом, раскрашенным неизвестным умельцем, на потемневшем кресте у дороги. В чаще, возле песчаных отвалов, где покоились староверы-основатели, воздвигли часовенку и перенесли туда чудотворную икону, породив множество суеверий.

* * *

Вот сюда, в этот забытый Богом и людьми угол и направили недавнего взводного, разведчика Алексея – учить детей. Путь неблизкий: добирался он на игрушечном паровозике по узкоколейке, трясся в кузове попутной машины, а из райцентра до места – на подводе. Рослый неразговорчивый мужик, скупое сжевивая слова сквозь едкий дым своей люльки из букового корневища, запряг лошадей, бросил в пароконную повозку охапку соломы и взмахнул кнутом.

– Вьее!

Алексей прилег, глядя сквозь густую крону ветвей на серое небо. Повозку сильно трянуло.

– Дорожку черти, наверное, прокладывали? – попытался он разговорить угрюмого возницу.

– Кесарев шлях. За австрийского кесаря робыли.

Тряска выматывала всю душу. Алексей спрыгнул на землю и пошел за уверенно шагавшим в вязкой тьме мужиком. Когда совсем стемнело, тот остановился и, пыхнув трубкой, пробурчал:

– Поночуемо.

Разнуздав коней, он повесил им торбы с овсом и подсел к костерку, который развел тем временем Алексей.

– Напрасно, пане.

– Почему?!

Возница молчал. Закипела вода в котелке. Алексей бросил в него щепотку чая. Мужик нарезал складным ножом сало, покромсал краюху хлеба. Поев и вытерев вислые усы, перекрестился и процедил сквозь зубы:

- Стало быть, некрещеный?
- Нет, конечно. Я религию не признаю.
- Очень даже зря, пане. Под Богом ходишь.
- Это как понимать?

Возница молчал. С гор тянуло холодом. На медном диске взошедшей луны заплясали черные тени ветвей.

- Красиво тут у вас!
- Подходяще. Вон тая гора – Поп Иван, – показал он на темнеющую вдаль громаду. – А ты, пане начитель, зря едешь. Пропадешь, – вздохнул мужик и равнодушно отвернулся.
- Ничего, поработаю, расшевелю ваш Черный лес, – бодрился Алексей, подбрасывая сушняк в угасающий костер. – А откуда ты меня знаешь?
- Кто-сь сбыхал. Тут не скроешь...

Алексей невольно оглянулся. «Кто ему мог сказать? Вот чудеса. А вдруг он из банды? Рожа уголовная. Воткнет нож спящему – и привет. Подполковник, сучий хвост. Его бы сюда. За неделю галифе бы не отстирал. Хорошо хоть “подарок” майора удалось сохранить. Все же с оружием спокойнее». Покосившись на спутника, Алексей завернулся в плащ-палатку и улегся поудобнее. Проснулся он от нежного прикосновения: рыжий ланенок на точеных ножках лизал его ладонь. Алексей замер, боясь шелохнуться. Малыш скосил на него янтарные глазки и постучал по земле не ороговевшим копытцем. Заворочался во сне возница, и лесной гость вмиг растворился в знобком утреннем тумане, только качнулись седоватые головки одуванчиков до затрепетали неведомой красоты разноцветные свечки с колокольчиками, будто ковром покрывавшие поляну.

- Что это за цветы такие необыкновенные? У нас в Подмоскowie тоже растут одиночные белые и синие колокольчики, маленькие, правда, с этими не сравнишь.
- Разно их называют. Кто ведьминым огнем кличет, а у нас зовут колокольчиками мертвеца¹. Ядовитые оне. К войне да к беде какой бушуют по всей округе.

Возница спутал коней и хмуро кивнул Алексею, сказав, что проводит его, а лошади пока отдохнут и покормятся.

- Понятно, – усмехнулся Алексей. – Кесарев шлях кончился.
- Так, пане. А ваши шляхов не прокладывают вовсе. Кровь льют, нема часу.
- Ваши тоже времени зря не теряют, – обозлился Алексей. – Дай срок, настроим здесь такое!
- Ну как же – вы настроите, – презрительно бросил мужик.

«Странный тип, – насторожился Алексей, искоса поглядывая на спутника. – Небось, бандюк недорезанный. А может, просто запуганный селянин». Поравнявшись с распятием у обочины дороги, возница скинул шапку и долго молился. Сухоребрый бог, прибитый к кресту ржавыми гвоздями, с проволочным венчиком и погнутыми тернями вокруг склоненной головы, слепо смотрел в пустоту. Такого Алексей еще не видел. Он вспомнил бабкины иконы – строгие лики святых, засиженные мухами, в потемневших серебряных окладах, а под ними теплится

¹ Разновидность наперстянки крупноцветной.

чахлая лампадка. А здесь вместо икон – раскрашенные картинки в простых рамках. Наконец мужик, вздохнув, поднялся с колен и нахлобучил шапку.

– Ступайте по этой тропке, пане, там Скитский хутор. А я вернусь, коняшки-то в лесу одне...

«Хитрит. Не хочет показываться в хуторе. Точно бандит», – вздохнул Алексей, протягивая вознице деньги.

– Благодарствую, пане, – бережно взял сотенную мужик, пряча улыбку. – Ще не видал таких. Це хто тут намалеван, що за пан?

– Какой тебе «пан»? Ленин это!

– Ты вы, мабуть, шуткуете?

– Говорю – Ленин, Владимир Ильич!

Мужик рассматривал ассигнацию внимательно, мял хрустящую бумагу заскоружеными пальцами. Тем же ножом, которым кромсал ночью сало, вырезал портрет, а остальное бросил на землю. Бережно уложил его в гайтан рядом с позеленевшим от жизни соленой крестиком и застегнул домотканую рубаху.

– Теперь не сыщут. А гроши мне не потрібны, що на их купишь?

Алексей проводил взглядом громоздкую фигуру возницы и вздохнул: «Обнаружат гайтан бандеровцы, что тогда?»

Глава третья. Учитель по приказу

Величественно-мрачная красота окружающей природы, обласканной утренним солнцем, не радовала Алексея. Что же он наделал!? Зачем согласился ехать сюда? Черт бы побрал этого капитана в синей фуражке! Что им от него надо? С семнадцати лет на фронте, ранения да контузии! Могли бы просто демобилизовать и отправить домой, если уж в армии оставить нельзя. Так тут, пожалуй, будет похлеще, чем на фронте. Да и какой он учитель? Все, что проходил в техникуме, благополучно забыл. Может, вернуться? Ну не посадят же его за это? Хотя... черт его знает. Расценят как трусость. А за трусость в бою положена пуля. Какой же он тогда комсомолец? Делать нечего, придется идти в этот хутор. Поработать месяц-другой, а там, может, вновь призовут в армию – Дальний Восток еще не утихомирился. С немцами-то уже почти разделались.

Алексей задумчиво брел в гору по узкой тропе, густо обрамленной подорожником. Спускаясь вниз, увидел он кривые улочки с потемневшими хатами. Навстречу ковыляла косматая старуха с вязанкой хвороста.

- Слава Иисусу! – выдохнула она.
- Здравствуйте, бабушка! Где тут у вас школа?

Старуха шарахнулась в сторону и засемила прочь, истово крестясь. Брошенная ею вязанка скатилась в лужу. За ближайшим плетнем мелькнула женская фигура.

- Хозяйка! Где тут школа?

Женщина ахнула и проворно шмыгнула в хату.

- Спытайте кого другого, пане, – крикнула она, приоткрыв дверь.

Шагая через хутор к майдану, Алексей ловил за плетнями текущие, ощупывающие взгляды. Во дворе одного из домов возился плечистый мужик в колушке.

- Здравствуйте, товарищ!
- Слава Иисусу.
- Скажите, где у вас школа?
- А пану зачем? – оглядел мужик цепким взглядом Алексея, хватаясь за вилы.

– Я не пан, я учитель. Меня направили сюда работать. Так где школа?
– Не вовремя приехали, пан на учитель. Ох, не вовремя, – насутился мужик, махнув куда-то в сторону.

Чертыхаясь и скользя по влажному суглинку, Алексей вышел, наконец, к просторной хате на околице, окруженной разросшимся садом. Заглянул в класс – черные парты в два ряда, цветы на окнах, черная школьная доска, на которой мелом нарисован трезубец Нептуна. Вспомнилась своя школа в Подмоскowie – большая, двухэтажная... Из дома писали, что от нее остался один фундамент, выщербленный осколками. На крышке передней парты нацарапано перочинным ножом: «Маричка». Эх, когда-то и он этим грешил...

Открыв дверь в соседнюю комнату, он опешил: посеченная осколками, залитая кровью кровать, медленно оседающий пух из разорванной перины, словно снежинки, засыпающий разорванные книги и бумаги. Сломанная этажерка в углу. На полу – человек в гимнастерке. Затылок срезан, череп вскрыт, словно консервная банка, розовеет мозг. Бурые, слипшиеся от крови волосы повисли сосульками... «Граната! В окно швырнули!» – понял Алексей. Возле кровати белел листок бумаги.

СПРАВКА

Выдана Струку Сергею Ивановичу в том, что он действительно является директором школы № 1 Скитского хутора Станиславской области УССР.

Справка выдана для...

А дальше – грязный след сапога. За спиной резко щелкнуло. Алексей метнулся в сторону, но удара пули не услышал. Выскочив на крыльцо, он едва не сшиб одноногого старика в обтерханном мундире времен Австро-Венгерской империи.

– Езус-Мария, кто тутай? – испуганно попятился дед.

Алексей представился и в свою очередь спросил:

– Ты, дед, кто?

– Естем сторож. – Проше, проше, пан научитель. Давно пана чекаем².

Алексей закурил. Старик, путаясь в польских, русских и украинских словах, никак не мог собраться с мыслями. Алексей протянул ему папиросу, тот поклонился и пристроил ее за ухо.

– Пан директор хотел учеников собрать, скоро надо начинать учиться. Но время такое страшное... Война, най ее холера везьме, йой война! Ах, пан научитель! Если бы не война, пан директор был бы жив. Йой, то был человек! Война замордовала.

– По-твоему, его немцы убили?! – возмутился Алексей.

– Не знам! Ниц не знам, хто. Мордерцы³ из лясу пшишли.

Бандеровцы! За что? Алексей встряхнул легонько сторожа, сокрушенно мотавшего головой. Узнав от бестолкового деда, где ему найти сельсовет, Алексей побежал искать местную власть. А бедный старик еще долго поминал Матку Боску, пшекленту войну и смутное время, в которое ему пришлось доживать свой век в одиночестве.

* * *

Председатель с озабоченным видом, кивнув Алексею на стул, продолжал распекать чернявого мужичонку за незаконную порубку в казенном лесу. Алексея слушал рассеянно, объяснив, что сам все уже видел, но нет времени на похороны, каждый час дорог – поля еще не убраны, зерно осыпается.

² Ждем (польск.).

³ Убийцы (польск.).

– Вы что? Человек убит! В район сообщили?

– Да без толку: милиционеры в хуторе порыщут, а в лес – ни-ни. Поколготятся, попьют горилки, акт составят и в обрат. А мы время зря потеряем. Ты, парень, на меня больно-то не зыркай! Что я могу? Их в лесу – сила, а нас? Знаешь, что вытворяют националисты? Весь хутор в крови потопят, пеплом по ветру пустят. Их в лесу тысячи, оружия им немцы оставили целые склады. Они людей жестоко мучают, убивают, жгут. Вот вернется народ с войны, тогда и покончим с бандеровцами. Чтобы этот лес прочесать, целый фронт надобен. А пока нужно тихо сидеть и не чирикать – дольше проживем. И ты, друг сердечный, таракан запечный, особо не петушись. Покойник Струк тоже горячился, хотел школу открыть к учебному году. Да какая там школа! Не до нее пока. Живым бы остаться. А школу открывать нельзя – лесовики не допустят этого.

– Значит, надо подчиниться этой сволочи? – негодовал Алексей.

– Напрасно ты так. Один против них не пойдешь – сломают. Я тоже сначала маялся, а потом привык: лучше живым остаться, чем на рожон лезть. Струк тоже все горячился, вот и погиб по-дурному. Сгинул понапрасну. По глупости. А я действую по обстоятельствам.

– Вы коммунист? – усомнился Алексей.

– Состою в кандидатах. Я свое дело делаю, но... не обостряю, чтобы требухе моей на елке не висеть. В хозяйстве у меня порядок, лес казенный сберегаю. А с этими... из леса... стараюсь не связываться. Войска у меня нет, чтобы с ними биться. Тебя бы на мое место... – разозлился председатель.

– Да это же форменное предательство! – Алексей нервно шарил на поясе, забыв, что он безоружный (майоров пистолет остался в котомке). – Кто здесь хозяин, в конце концов? Мы или бандиты? Где ваш актив?

– Нас-то всего ничего, а в Черном лесу Резун. Слышал про такого? Не приведи Господь с ним свидеться. А что актив? Поживешь, увидишь. Только помни: тише себя веди, не нарываись. Кстати, похороны завтра, гроб уже делают и священника предупредили.

– Поп будет коммуниста отпевать? – возмутился Алексей.

– Ничего, это мы для видимости. Народишко у нас темный, без церковного обряда никак нельзя. Крест, конечно, ставить не будем: узнают в районе, да и те... в лесу... не одобряют. Потом памятник сработаем из тиса – сто лет простоит. Кстати, помоги надпись на нем сочинить. Юрек, полячок, намалует. Хороший художник будет, даже иконы подновляет, хоть и сопляк еще. Ну, як, козаче, уяснил ситуацию? Терпи, пока терпелка не треснет, – усмехнулся председатель.

Алексей молча смотрел на председателя. На вид ему было лет сорок. Широкоплечий, круглолицый, глаза синие с хитринкой. Рыжеватые баки и усы придают ему солидность. Что же он за человек?

Вернувшись в школу, Алексей до ночи разбирал папки с бумагами. За стеной тихо пели старухи, прибирая покойного. Его семья из Киева на похороны вряд ли приедет. Не успеет. Сторож суетился тут же, шепотом рассказывая Алексею о Резуне, устроившем свой курень в Черном лесу. Закончив с папками, Алексей заглянул в соседнюю комнату. Струк, уже обмытый и одетый, лежал в некрашеном гробу, над ним читал заупокойную священник. Старухи косо взглянули на чужака, священник с достоинством поклонился. Коммуниста хоронят по обряду! А он, комсомолец, должен делать вид, что так и надо? Алексей вырвал свечку из рук покойника – пламя заметалось и погасло. Молитва оборвалась на полуслове.

– Что делаешь, нечестивец? – взвизгнули старухи.

– А ну, хромай отсюда, бородатый козел! – рявкнул Алексей, выталкивая священника за дверь.

– Опомнись, сын мой! Образумься! – попятился священник под завывания старух. – Я всего лишь исполняю свой долг!

– А я – свой. Убирайся.

* * *

Председатель сидел за столом, время от времени щелкая на облезлых счетах. Увидев учителя, он приветливо поздоровался, поинтересовался его школьными делами и сообщил, что похороны будут завтра, а потом надо решить, куда определить самого Алексея. Может, поручить ему делопроизводство?

– Меня уже назначили на должность учителя и другого мне не надо. Вообще-то я могу кем угодно работать, хоть председателем – невелика мудрость, это не взводом командовать. Но меня направили в вашу дыру учителем, и я буду им! Армия всему научила, прикажут – маршлом стану. Вот так. Будем хоронить товарища Струка как коммуниста, павшего на боевом посту, как солдата. И обелиск поставим с красной звездой.

– Ишь ты, какой герой! Нельзя осложнять отношения...

– С кем? с бандитами? Вы же здесь советская власть! – кипел Алексей.

– Без тебя знаю, молод еще мне указывать!

– Я советую! А попа я прогнал. В шею.

Вернувшись в школу, Алексей заварил себе ежевичный чай, поужинал и улегся спать на столе, постелив плащ-палатку. Под голову уложил полевую сумку и кубанку. За стеной бормотали старухи, да на крыльце трескуче кашлял сторож. Разбудило его солнце – горячее, яркое. Он с наслаждением плескался в ледяной воде горной речки – хорошо-то как! Услышав переливчатый смех, он обернулся и увидел молодайку с ведрами, встретившуюся ему на пути в хутор. Поздоровавшись, она зачерпнула воды и, будто ненароком, плеснула через плечо. Алексей едва увернулся.

– Йой, нечаянно! Не сердитесь, пан научитель, – лукаво улыбнулась она.

– Ах, ты, озорница! – рассмеялся Алексей, обнимая женщину и целуя ее в смуглую щечку.

– О, какой пан моторный! Хоть и хромой.

– Хоть и хромой, а красавиц не пропускаю!

* * *

Струка хоронили в полдень. Командовал обступившими гроб стариками сам председатель, попутно наставляя плешивого музыканта с облезлой расстроенной скрипкой и приказывая сторожу Казимиру ступать живой ногой к Калине Григорьевичу за лошадью – старикам-то гроб не донести.

– Где же народ? – удивился Алексей, не понимая, почему на похороны директора школы пришли одни старики.

– Этим – что? Их не тронут... – вздохнул председатель.

Вот оно что! Люди боятся прогневать бандитов! Ну и дела! Милиция тут много не навоеует: у бандеровцев пулеметы, а у самого Алексея – лишь чужой пистолет. Председатель взмахнул платком, гроб поставили на повозку, зарыдала скрипка, и печальная процессия медленно двинулась к кладбищу, тяжело вздыхая – коротка жизнь человеческая. Гроб тряхнуло на ухабе, старухи заскулили. Алексей взглянул на покойника. Скольких ему пришлось зарыть за войну! Одних с прощальным троекратным залпом, других в траншее, просто привалив суглинком. «Может, и меня так повезут?» – мелькнула грустная мысль. Думалось об этом спокойно.

Кладбище с позеленевшими крестами, замшелыми плитами со стертыми надписями, заросшее высоченной жирной травой, притулилось на склоне холма. Кучи свежего грунта островками поднимались из бурьяна. Председатель обругал могильщиков – лучшего места не нашли? Сыро! Хотя таковы уж наши Карпаты.

Гроб поставили на краю могилы.

– Вот, значит, несчастье какое... Хороним нынче товарища Струка. Смерть его, конечно, преждевременная, еще пожил бы... сколь годов. Но не вышло. «Память о тебе мы, конечно, сохраним навеки... Спи спокойно, дорогой наш товарищ Струк», – торопливо произнес прощальную речь председатель, отирая вспотевший лоб, и с облегчением отступил в сторону. – Опускайте, – распорядился он.

– Стой! – возмутился Алексей, взбираясь на глиняную кучу. – Мы хороним человека, – выдохнул он, – который приехал сюда учить детей. Он хотел воспитать будущих ученых, врачей, летчиков, активных строителей коммунизма. Но работать ему не дали, его убили. Ясно, кто это сделал. Бандиты думают, что они одержали победу, но советскую власть не убьешь! Придет время и врагам так врежут, что они костей на соберут!

– Что ты?! – схватил учителя за руку испуганный председатель.

– Знаю, в лесу затаились банды, – продолжал Алексей, – слышал и об их атамане Резуне. Но бандиты меня, фронтовика, не запугают. Я открою школу во что бы то ни стало, и она станет лучшим памятником погибшему!

Старики разинули рты, председатель затормошил могильщиков. Гулко застучал молоток.

– Играй гимн! – обернулся Алексей к музыканту.

– Он не знает, – заикнулся председатель, но уже торжественно и печально зазвучал «Интернационал».

Алексей сразу же написал в обком партии: убит директор, опытного учителя нет (себя он таковым не считал); нужно срочно покончить с бандеровцами, в чем он, Алексей, готов помочь, отправившись вместе с милиционерами на их обезвреживание. Конечно, он будет здесь трудиться на педагогическом поприще, пока не пришлют замену и рана на ноге не заживет, но потом – обратно в армию! Вечером они со сторожем пили чай:

– Йой, пан научитель! Как красиво говорил пан на кладбище. Только... в лясе все уже знают. Йой, плохо будет! Йой, плохо!

– Хрен с ними. Пусть знают!

Сторож покачал головой. В школе Алексею нельзя ночевать. Как можно? Бандиты уже протоптали сюда тропку. К себе старик его позвать тоже не мог. Да и ни одна семья его теперь не приютит, иначе вздернут на сук хозяина хаты. Учитель обречен. Бедный парень! Уходя,

сторож посоветовал Алексею запереться изнутри. Зачем? Ставней нет – трудно ли еще одну гранату швырнуть в окно? И все же он закрыл дверь на хлипкую щеколду, которая не выдержит и легкого толчка. Отныне ему придется поселиться в комнате покойного директора. Сторож позаботился об этом: все прибрано, пол вымыт, на постели, где еще днем лежал мертвец, сменили белье, подушку и одеяло. Алексей открыл окно и уселся на подоконнике покурить. С детства боялся он оставаться один в темноте, поэтому фитиль в лампе лишь слегка прикрутил. Страх не отпускал, и лишь под утро ему удалось задремать.

Что-то мягко шлепнулось о подоконник. Мгновенно вскочив, Алексей отшвырнул подушку, нашаривая пистолет, и прыгнул к стене. За распахнутым окном серел утренний туман. На подоконнике сидел здоровенный черный кот, уставив янтарные глаза на постояльца.

– Ах ты, поганец! – хватил Алексей кота кулаком, нервно матерясь.

Незванный гость пульей слетел с подоконника и пропал в темноте. Потирая бешено колотящееся сердце, Алексей повалился на жалобно скрипнувшую кровать, облегченно рассмеялся и погасил лампу. Косой солнечный луч коснулся подоконника.

* * *

Алексей бодро шагал по улице, слегка припадая на раненую ногу. Взглянув на список учеников, толкнул калитку, не обращая внимания на лохматого злобного пса. У сарая хозяин отбивал косу.

- Слава Иисусу. Чего желаете, пане?
- Вы товарищ Терновец?
- Мы...
- А где ваш сын Дмитрий?
- Дмитро? Туточки.

Мужик позвал сына.

- Я вас знаю, пан учитель, – несмело подошел к Алексею голубоглазый мальчик:
- Ах ты, шельмец! Но я не пан, Митя. Зовут меня Алексей Иванович. Ты читать умеешь?
- Не-а...
- Хочешь – научу?
- О! Еще бы! – радостно запрыгал мальчишка.

Встревоженный отец отослал его в хату.

– Вы, золотой паночек, хлопчика не сманивайте, в школу он не пойдет. Не велю!

Бойтся! И этот бойтся! Что за люди... Алексей попытался уговорить упрямого мужика. Неужели его сын должен оставаться неучем? Но тот мотал головой, твердя свое «Не велю!» и уверяя, что его сыну в школу никак нельзя, он будет крестьянствовать. Неудача караулила учителя и в других дворах, хуторяне глядели на него с ужасом, сторонились, как зачумленного, детей прятали по сараям, запирали в подполе: согласятся по дурости, а из-за них хату спялят вместе с хозяевами. Но Алексей не сдавался, колеся по хутору от зари до зари. Со взрослыми

больше не заговаривал, а ребяташек останавливал, спрашивал фамилию и возраст, записывая в блокнот. Они с любопытством слушали его и вежливо кланялись, прощаясь.

* * *

За околицей на лугу подпасок в широкополом дырявом бриле щелкал кнутом, сгоняя коз. Заметив Алексея, не застеснялся, как другие, подошел, поздоровался, попросил папиросу. Держался независимо.

– Не рано ли начинаешь, дружок?
– Я второй год курю.
– А родители не дерут?
– Некому, пан. Батьку на войне убили, маму Резун заколол. Как? Обнаковенно. Как сви-
ню колют, видали? Пришел со своими... «Краснюка голубила? Режь ее! И штыком вот сюда...
Я на чердаке притаился, видел.

От страшных подробностей убийства Алексею стало не по себе. Он угостил пастушонка папиросой и предложил ему прийти в школу. Мальчишка оживился, сказав, что обязательно будет учиться назло тем катам. Вот и первый ученик! А вскоре появился второй, за ним – третий. Алексея едва не сшиб выскочивший из-за угла малец, за которым гнался паренек постарше. Догнав беглеца, он надавал ему тумачков, но тот не сдавался.

– Эй, огольцы! А ну прекратите! – приказал Алексей, сгребая драчунов в охапку.

Старший притих, опасливо косясь на него, а маленький яростно вырывался.

– Не бейте его, пан.
– Не бойся, – успокоил старшего малец, – в советской школе не бьют. Мне ойтец говорил.
Я сам скоро школьником буду.
– Только попробуй! – пригрозил старший, на что малыш показал ему язык.
– Пишите: Юрек Пшеманский.
– Дурной ты, Юрек. Юрек – келбаса и шнурек!

В школе сторож доложил Алексею: «Два лайдака пшишли до пана на учителя».

Алексей, увидев старых знакомых, обрадовался и позвал ребят в класс. Юрек подскочил к столу, схватил книжку и стал рассматривать картинки, а его приятель несмело топтался у двери.

– А тебя как зовут, герой?
– Гриць Омельчук.
– Учиться хочешь?
– Конечно, хочет, даже очень, – встрял Юрек, разглядывая учебник географии. – Вы, пан на учитель, не глядите, что он такой длинный, що та оглобля, он еще дурной, боится... Ведь у него...
– Та, Боже ж мий, Юрек!
– Ладно, не скажу.

Почему дылда Гриць заискивает перед малолеткой Юреком? Все просто: Гриць решил пойти в школу ради сестры Юрека.

Так в списке учеников появилась первая девочка.

Глава четвертая. Хуторяне

В окно постучали. Алексей открыл дверь: на крыльце загадочно улыбалась чернобровая красавица.

- Неужто учиться собрались, Славця?
- А чем я хуже других? Может, и меня уговорите?

«Ведь предупредил ребят, чтобы не болтали. Родители дознаются – не пустят в школу, запрут дома и все».

– Ах, пан на учитель! Оставьте свои дела, отдохните. Чего вы затеялись с той школой? Нужна она вам?

«Подослали, хитрые бестии. Не мытьем, так катаньем. На мою мужскую погибель такая краля!»

– Зря стараетесь, Славця, – процедил Алексей. – Так и передайте тем, кто вас направил.

– Никто меня не направил – сама пришла!

«Нет, неспроста она заявила. Наверное, с бандеровцами связана. Решили ему ловушку устроить».

– Так сколько же вам за меня заплатили?

– Коли б заплатили, вас бы давно река унесла!

Хлопнула дверь, дробно простучали по ступенькам крыльца красные сапожки. Обидел девушку. Напрасно, наверное. Она – единственная в хуторе – его привечает. Другие сторонятся. Днем Алексей зашел на мельницу, поздоровался с мужиками, которые носили мешки с зерном. В ответ те сняли шапки, загалдев свое «Слава Иисусу», и пытливо уставились на него. Закурили предложенные папиросы.

– Посоветоваться надо, товарищи...

– Мы темные, а пан – человек ученый. Что мы ему можем насоветовать?

– Как же так? – обратился Алексей к мельнику, с досадой затаптывая окурки. – Вы же, Калина Григорьевич, во Львове коммерческое училище окончили.

– А ты, – обернулся он к стоявшему рядом мужику, – хочешь, чтобы твои дети стали инженерами или врачами?

Тот беспомощно оглянулся на остальных.

– Ну что ж, дело хозяйское. На других хуторах ребятишки будут учиться, а ваши останутся неграмотными – школу-то придется закрыть.

Мужики подавленно молчали.

– Какая учеба?! – не выдержал мельник. – Война же... Горы все еще гудут... Вдруг германец вернется?

– Не вернется! Фашистам скоро крышка!

Хуторяне недоверчиво помолчали и, недовольно посопев, занялись своим зерном. Обескураженный Алексей понял, что уговаривать их бесполезно. Мельник отвел учителя в сторонку и стал его убеждать в ненадежности этой затее со школой. Да и жить ему в таком сарае нельзя – опасно, опять же никто не постирает и не приготовит... Несolidно это. В старое время учитель был господином. Имел прислугу. Лучше уж Алексею поселиться у него, у мельника, в чистой комнатке, жинка еду сготовит, пану постирает. Все лучше, чем холостяцким чайком пробавляться. Вот дела! Весь хутор его остерегается, а мельник зовет на квартиру. Зачем? Убить-то его способнее в школе, где он один ночует. Но... перченый украинский борщ с добрым шматком сала... Алексей сглотнул голодную слюну и... согласился.

* * *

Дымным маревом догорало жаркое лето. Скоро начнется учебный год. Список учеников потихоньку пополнялся. Алексей готовился к занятиям, когда в класс прошмыгнул Юрек. Вытерев нос, он доверительно сообщил, что придут записываться в школу Мыколка и Михась:

– Я им сбрежал, что вы про войну расскажете, как фашистов били. Только батькам ихним не говорите – шкуру хлопцам надубят!

– Почему про войну? Мы будем изучать родную речь, арифметику, географию...

– Нет. Сперва про войну! Я им сказал, что вы чуть Гитлера не поймали, а они уши разлопушили, як кабанятки. Это я так, для приманки, потом они привыкнут и будут учиться. А сегодня приходите к нам в гости – Кшися приготовила сладкие мазурки.

– А что это?

– Бардзо⁴ вкусная вещь. Сегодня день нашего святого, и мы просим пана, йой, туварища на учителя до хатынки.

– Святого? Не пойду!

– Да мы не молимся, Алексей Иванович! Бабця старая молится, а мы нет.

Юрек жил в просторном чистом доме. Семья уже сидела за столом. Алексей снял кубанку, поздоровался. Юрек представил домочадцев: «Бабця, дзядек, наш ойтец пан Пшиманский». Загорелый высокий мужчина с приятным лицом и решительными серыми глазами крепко пожал руку Алексею. Морщинистые старички казались бестелесными. Маленькая седенькая старушка всплеснула руками: «Ладный жолнеж, хол-леро!⁵» Все засмеялись, хозяин усадил Алексея за стол.

– Очень хорошо, что наконец откроется школа, дети должны учиться. Мои ребята станут первыми учениками, они способные. Скорей бы война кончилась, чтобы пожить по-человечески.

– Уже скоро. Конец фашизму. А вы где работаете?

– Я лесничий. И при немцах лесниковал. А сейчас лес охранять бессмысленно – хуторяне туда не ходят. Люди у нас трусливые. Разве это мужчины? Ну есть в лесу бандиты, ну случилось несчастье с директором школы, так что ж теперь – по норам, как мыши, прятаться?

⁴ Очень (польск.).

⁵ Красивый солдат (польск.).

– Похоже, вы бандеровцев не опасаетесь?

– А что они мне сделают? Я не коммунист, а простой лесник. Делить мне с ними нечего. Разве что из-за детей озлобятся? Пусть попробуют – гляньте, какая игрушка висит! – показал он на двустволку. – Медведей валит, лосей насквозь прохватывает. Пусть только сунутся!

– Ойтец бардзо отважный, – шепнул Алексею Юрек. – Один на медведя ходит.

Вошла Кшися, миловидная пятнадцатилетняя девочка, в голубом платье, в сапожках, расшитом кожушке.

– Чем не невеста наша Кристина? Смотрите, какая красивая! – похвалился Юрек.

Кшися, легонько стукнув брата по затылку, стала наливать пиво Алексею. Тот поблагодарил.

– Хорошие дети у вас, товарищ Пшиманский.

– Матка у них хорошая, – вздохнул хозяин. – Ушла. Теперь живет в Станиславе.

– Папочка у нас самый хороший! – обняла Кшися отца. – И самый красивый.

– Дура! – возмутился Юрек. – Ойтец самый храбрый! А можно мне пива попробовать?

Алексей засиделся в гостях до ночи. Ему впервые здесь было так хорошо и покойно среди этих людей. Дома Калина Григорьевич, нацепив очки в железной оправе, шелкал на счетах. Его хозяйка, тихая болезненная женщина, возилась у печи. За стенкой похрапывал их сын Петро.

– Гуляем, пан начитель? Хе-хе. Дело молодое...

* * *

В школьном коридоре громоздились парты, возле двери – ведро с водой. Сторож объяснил, что одна кобьета⁶ сама вызвалась навести в школе чистоту.

Алексей прошел в канцелярию. Надо еще раз проверить, все ли готово к началу занятий.

– Здравствуйте! – раздалось у него за спиной.

– Добрый день, Славця. Что скажете?

– Сухарь вы, пан начитель. Я грех приняла – поздоровалась по-вашему, а вы и внимания не обратили. Пойдемте, шо-сь покажу.

Класс сиял чистотой. У надраенной до блеска доски аккуратно висела новая тряпочка, на полочке рядом разложены мелки.

– Ты одна это все сделала?

– Вы же мне не помогали...

– Спасибо, Славця, но заплатить мне тебе нечем.

Сердито хлопнула дверь. Алексей вышел покурить и долго смотрел ей вслед – пышнотелая, с тонкой талией, красивыми загорелыми ногами и гордо поднятой головой. Королева!

⁶ Женщина (польск.).

– Привет народному образованию! Готовишься? – отвлек Алексея от приятных мыслей председатель, подъехавший рыжей кобыле.

– Тороплюсь – два дня осталось. Я договорился с лесничим насчет дров. Лошадь дадите?

Конечно, надо бы привезти, пока дожди не зарядили, согласился председатель, но лошадь дать отказался. Все равно в лес никто не поедет – Резун шутить не любит, враз душу вынет. Поймают, пытать станут: «Для кого везешь? Для Советов стараешься?» Убьют – и весь разговор.

– Неужели в хуторе не найдется настоящего мужчины? Дрова для своих же детей боятся привезти! Я сам поеду! Дайте лошадь! Лесничий мне поможет. Справимся! – вскипел Алексей.

– Не дам. Я тут за все в ответе. А потом из-за вас, дураков, хутор с землей сровняют, людей побьют. Ты об этом подумал? Здесь, браток, дипломатом надо быть.

– Ясно, каким. И вашим и нашим за пятачок спляшем. Обойдусь без вас!

– Ну что ж – действуй, раз надумал всерьез школу открыть. Но жизнь побереги. Ох, побереги ее, парниша! Другой не будет.

Алексей сжал кулаки. Ну что за люди вокруг? Сюда бы его разведчиков – они бы показали бандитам! Но его полк уже, поди, в Германии воюет, а он, хромоножка... Ну нет! Он не смирится!

* * *

Вечерами Алексей маялся, не зная, как убить время. Хутор в эту пору вымирал – ни огонька в окнах. Ворота – на тройной засов, не достучишься. Редкий хозяин отзовется осипшим от страха голосом. Покурив за воротами мельникова дома, он направился к школе. На крыльчке сторож безуспешно воевал с кресалом, рассыпая вокруг искры. Алексей чиркнул спичкой, помогая старику запалить сигарку, перекинулся с ним парой слов и направился к речке. Старик зябко поежился – неужто купаться надумал пан научитель? Но тот прокрался к заветной хате и перемахнул через плетень. Хорошо, что собак нет. У сарая он впотьмах споткнулся и вздрогнул от заполошного кудахтанья. Тотчас хлопнула дверь:

– Где вы, Альошенька? Пришел! Я знала, знала... – улыбалась Ярослава, зябко кутаясь в пушистый платок. – Идем. Я одна.

Алексей задумчиво перебирал пышные кудри, поглаживал тонкие брови – красивая женщина. Спит или притворяется? А за окнами поджидают его бандиты, безоружного. А, будь что будет! В голове шумит наливочка, на лесных ягодах настоянная. Слышится монотонное журчание речки, с гор доносится тоскливый вой. Волки. Проснулся он после вторых петухов. Светало. Алексей вскочил, разбудив Ярославу: «Пора мне, Славця». Он осторожно высвободился из ее объятий, затягивающих его, словно в омут. Прячась за высоким плетнем, прокрался к речке. Ледяная вода обжигала. Алексей оделся, туго затянул ремень. Давно он не чувствовал себя столь бодрым, но все же на душе кошки скребут – учитель называется! Не успел приехать, а уже шашни завел. Навстречу торопилось мекающее козье стадо. Пастушок снял рваную шапку, здороваясь: «Последний раз пасу. Завтра в школу».

Днем Алексей зашел к Пшиманским. Лесничего не было дома, старички пригласили его к столу, но он, поблагодарив, отказался, предложив Юреку и Кшисе отправиться на экскурсию – знакомиться с родной природой. Обрадованный мальчик побежал созывать друзей. Седоголо-

вый дедушка, решив занять гостя, показал ему фотографию – бравый драгун с обнаженной пашкой в руке держит под уздцы коня. Усы – колечком, вид – воинственный.

– Вот это вояка! – воскликнул Алексей.

– Так, так, – закивал старик. – А не познает ли пан учитель того жолнежа? То, проше пана, я. Полк наш стоял тым часом под Бродами, Добже мы там германа били!

Вошла Кристина в новом платье и, заметив восхищенный взгляд Алексея, зарумянилась. У школы их поджидал Гриць, увидев Кшисю, он радостно заулыбался. Робко подошел Митя Терновец, наверняка не спросясь отца. Прибежал и пастушонок, попросив приглядеть за стадом сторожа Казимира. Вот только козленка ему пришлось взять с собой: «Бедовый больно, дядя Казик с ним не справится». Речку перешли вброд по осклизлым камням и оказались на поляне, поросшей пестрым разнотравьем. Какая красота кругом! Не верится, что где-то рвутся снаряды, гибнут люди. Свечки колокольчиков – белых, сиреневых, красных, пурпурных, желтых, розовых – выткали яркой узорчатый ковер.

– А кто знает, какие здесь травы растут? – спросил Алексей, примеряя на себя роль учителя. «Проба пера», так сказать.

Ребята наперебой называли растения, показывая их «несмышленому» учителю.

– То не надо срывать, – указала на колокольчики Кшися. – То злые цветки. Здесь их кличут «колокольчики мертвеца». У нас в хуторе колдунья чи лекарка, не знаю, варит из них зелье. Так говорят.

– Дура ты, Кшиська. Наслушалась старух с их сплетнями. Ойтец говорит, она травы знает, какие полезные, а какие вредные. Скот лечит и людям помогает. В растениях ведь и польза и вред есть. Правда, Алексей Иванович? Только надо знать, когда их собирать и что с ними делать. Есть и такие, из которых отраву для всякой нечисти можно сварить, чтобы крыс-мышей не было и огородных вредителей.

Что-то Алексей уже слышал про эти «колокольчики мертвеца». Ну да. Возница рассказывал. И что разрастаются они непомерно – к беде. Тем временем ребята развели костер. Пастушонок рубахой со связанными рукавами наловил рыбы – Кшися не зря взяла с собой котелок и краюху хлеба. Сидя у костра, Алексей рассказывал ребятам о Москве, о Красной площади, о Кремле и мавзолее Ленина. Дети, никогда не видавшие даже райцентра, смотрели на него с восхищением: в самой столице жил до войны их учитель! После обеда двинулись дальше по склону горы, к песчаным отвалам и целебному источнику, о котором вскользь упоминал лесник. Вдали между деревьями замелькали развалины древнего монастыря – Манявского скита.

– Дальше не можно, там Блаженный Камень, там святые, – остановилась Кшися.

– А мы им не помешаем. Посмотрим и уйдем, – потянул он ее за руку в пещеру.

Девочка храбрилась. Тихое шуршание песка скрадывало звук шагов. Низкий потолок пещеры под скальным навесом будто придавливал, вдали сгущался мрак. Алексей включил фонарик.

– Страшно?

– Ой, не можно туда ходить! Нас пан Бог накажет! – жалась к учителю девочка.

Свет фонарика выхватил из темноты нишу с останками святого, тускло отсвечивал череп с черными провалами глазниц. Кшися, стуча зубами, шептала молитву. Гнетущая обстановка подействовала и на Алексея. Он нагнулся, чтобы получше рассмотреть мощи, и выронил фонарик, который сразу погас. И вдруг в пещере раздался дикий хохот. Алексея прошиб пот. Едва не сбив взвизгнувшую Кшисю, он шарахнулся в сторону. Девочка бросилась к выходу, Алексей рванулся за ней. Сердце у него бешено колотилось, раненая нога зашлась огнем. Выбравшись из пещеры, он с трудом успокоил перепуганную девочку. Та была в ужасе – святотатство жестоко наказуемо. Подбежали мальчишки, давясь от смеха:

– Это я вас напугал! – радостно сообщил Юрек. – Давно ту дырку знаю в потолке пещеры. Мы с ойтцем сюда приходили.

У Алексея чесались руки: отлупить бы озорника, да нельзя – непедагогично. Нога потихоньку успокаивалась, но глаз дергался не на шутку – контузия. Ребята повинились за свои проказы, и все мирно продолжали гулять по лесу, собирая грибы и ягоды. Не ведал тогда Алексей, что его караулит смерть...

* * *

Молодой стрелец Ворон держал палец на спусковом крючке «шмайсера», тщательно выцеливал, чертя мушкой поперек груди учителя. Он уже собирался нажать на крючок, когда мягкая надушенная ладонь легла на приклад немецкого автомата, а локоть стрельца сжали тонкие сильные пальцы. За спиной стоял худощавый, средних лет человек в лакированных сапогах, вонзив в стрельца предостерегающий взгляд. О его жестокости и коварстве ходили легенды. Крыса, начальник СБ⁷, пригладив набриоленные волосы, задумчиво наблюдал за учителем с ребятней и тщательно обрабатывал тонкой пилочкой ухоженные ногти.

– Повременим, друже. Пусть плод созреет.

– Выполняю послушно! – отчеканил Ворон, опуская автомат.

⁷ Служба безопасности (беспеки) – бандеровское гестапо.

Глава пятая. Бандеровский лагерь

Километрах в двадцати от Скитского хутора в узкой теснине на берегу бурного ручья лепился лагерь оуновцев, каких в Карпатах было немало. Тайные бункеры строили опытные немецкие инженеры, умело маскируя их. Здесь хранились запасы продовольствия, оружия и боеприпасов. В крупных отрядах были и рации. Стрелец Ворон с двумя боевиками в сопровождении Крысы приблизились к расщепленному молнией буку. Тихо прозвучал пароль – и кустарник зашевелился, показалась лохматая шапка с трезубцем вместо кокарды, тускло блеснул широкий раструб ручного пулемета. Часовой, назвав отзыв, пропустил пришедших. Отпустив боевиков, начальник СБ прошел с Вороном через жилые бункеры, где вкусно пахло варевом, в штабной отсек, где их поджидал порученец куренного атамана Дудка. Крыса, небрежно вскинув руку к австрийскому кепи, исчез за дверью. Вскоре туда позвали Ворона, которому еще не доводилось бывать у куренного.

В бункере ярко горели переносные лампы. За столом сидел человек лет сорока, от взгляда которого люди падали на колени. Резун выслужил в вермахте «Железный крест» жестокой расправой со своими соплеменниками. Бандеровские главари, бежавшие с немцами под натиском Красной армии, оставили его в тылу, чтобы жалить Советы в спину. Атаман казался обычным сельским счетоводом, волей обстоятельств облачившимся в мешковатый суконный мундир. Суетливые руки куренного при каменно-неподвижном лице, на котором безразличный, сонный взгляд тусклых рыбьих глаз мгновенно вспыхивал дьявольским огнем во время попыток несчастных, – все это производило тягостное впечатление. Ворон вытянулся, несмело кашлянул и срывающимся от волнения голосом отрапортовал:

– Друже Проводник⁸! Докладываю послушно: стрелец Ворон вернулся из разведки.

Резун молча слушал его рассказ, в том числе и о замеченном в лесу новом учителе из Скитского хутора, который, по донесениям местных, собирается завтра начать занятия в школе. Проводник медленно поднял тяжелые веки, Ворон, запинаясь, объяснил, что хотел пристрелить учителя, но... Начальник СБ, не замечая умоляющего взгляда Ворона, продолжал заниматься своими ногтями.

– Я решил с этим не спешить, Проводник. Зачем? Пусть войдет во вкус здешней жизни. Места у нас чудесные, хлопец он молодой, на дивчин заглядывается. Пусть пока наслаждается, сильнее полюбит жизнь. Тем горше ему будет, когда станем ее отнимать. А вот семьи тех, чьи дети в школу пойдут, возьмем на папир.⁹ – Крыса аккуратно сложил пилочку в чехольчик. – Учитель поможет нам выведать всех, кто красным духом дышит. Неплохая проверка, друже Проводник?

– Пожалуй, – Резун опустил веки. – Добре, стрелец Ворон, ступай с Богом.

Боевик вскинул руку в приветствии и ушел. Проводник поскреб бритый затылок и взглянул на Крысу:

– Когда намечается акция в Скитском хуторе?

⁸ Руководитель Провода – территориального формирования ОУН.

⁹ Бумага (нем.).

– Десятого сентября. Думаю, соплякам полученных до этого времени знаний хватит, чтобы не бедствовать на том свете! – усмехнулся начальник СБ.

– С избытком. Но не будем торопиться. Один очень неглупый наш друг, – продолжал Резун, – опытный разведчик оберст вермахта Ганс Кох, помнится, не раз предупреждал, что каждый пленник с Востока, особенно человек знающий и много повидавший, это маленькая энциклопедия, и тот, кто сумеет ею воспользоваться, может почерпнуть для себя немало интересного. Немец, безусловно, прав.

– Но что может рассказать этот дерзкий мальчишка-учитель? Даже о своей воинской части? Пока он находился в госпитале, многое могло там измениться. Так что не стоит медлить, – стоял на своем начальник СБ.

Атаман одним движением бровей прервал его рассуждения:

– Прежде чем отдавать приказы другим, научись слушать. Этот немец говорил, что нам будут попадаться наши общие враги – коммунисты и прочие советские активисты, и мы обязаны о каждом из них узнать все, прежде чем ликвидировать их. Значит, наша служба безопасности должна быть на высоте. Понял?

Крыса, продолжая любоваться своими отполированными ногтями, неуверенно согласился с тем, что повременить, конечно, можно...

– Нужно! – приказал атаман. Пора нам менять тактику. Население пока боится выступать против нас. Но ведь это пока. А мы должны приручать его, использовать и постепенно отрывать от Советов.

– Догадываюсь, чьи это идеи, – усмехнулся Крыса. – А вот и сам автор пожаловал.

В бункер вошел сухошавый, неопределенного возраста человек с острым бритым черепом, похожий на протестантского проповедника. Отец Леонтий окончил духовную семинарию во Львове, получил приход, но вскоре покинул его. Объявился он перед самой войной и при немцах занял в епархии важный пост. На параде украинских националистов-добровольцев дивизии «СС» «Галичина» во Львове приветствовал их с трибуны в компании «единомышленников» – немецких, итальянских и японских генералов. Духовенство относилось к отцу Леонтию подобострастно. Поговаривали, что он какое-то время жил у монахов-василиан, а в последние годы изучал труды известных богословов в одном из европейских монастырей. В действительности же отец Леонтий всю жизнь был связан с могущественным орденом иезуитов. Митрополит Андрей Шептицкий обратил внимание на сего скромного подвижника и на Святоюрской горе торжественно благословил его в капелланы эсесовской дивизии. Так униатское духовенство навсегда связало свою судьбу с международным фашизмом. Как и украинские националисты.

Когда Красная армия разгромила эсесовскую дивизию в предгорьях Карпат, отец Леонтий бежал в горы к оуновцам, чтобы вдохновлять их на новые подвиги словом Божиим. Иезуитский девиз «Цель оправдывает средства» отец Леонтий считал верхом справедливости. Сочтя оуновскую тактику откровенно лобовой, он высказал свое мнение о ней атаману, который расценил слова иезуита как приказ. Войдя в бункер Резуна, отец Леонтий догадался, что речь здесь шла о нем. Пристальный взгляд его глубоко посаженных немигающих глаз остановился на начальнике СБ. Иезуит, не терпящий возражений, прекрасно знал, что безбожник Крыса относится к нему с иронией, но сумел погасить злобу, смиренно опустив глаза.

– Простите за вторжение, дети мои. Мысль о ближних не дает мне покоя. Доколе на Земле будет литься кровь? Вопли и стенания, раздающиеся отовсюду, достигают ушей Господа нашего.

– Вряд ли, – усмехнулся Крыса. – Вряд ли Господь их слышит. Может, уши у него шерстью заросли? Как полагаете, святой отец?

Резун недовольно хмыкнул. Зачем ссориться с монахом? Иезуиты всемогущи. А этот знаком с самим Бандерой и прочей верхушкой националистов. Отец Леонтий пропустил такое богохульство мимо ушей, продолжая невозмутимо перебирать четки, однако заметил, что такие методы борьбы с коммунистами большой пользы великому делу национализма не принесут. Вульгарное истребление людей проблему не решит. Но Крыса не унимался: бесцеремонно перебив священника, он напомнил ему об указаниях рейхсканцлера Третьего рейха: «Мы же союзники!» Иезуит же стоял на своем: у немцев свои великие цели, а у бандеровцев – свои, более скромные.

– Вам известны цели и задачи ОУН? – скрипнул зубами Крыса. – Позвольте, я зачитаю: «Украинский национализм должен быть готовым ко всяким способам борьбы с коммунизмом. Хотя бы и с такими, которые повлекут за собой миллионы человеческих жертв». Это было напечатано в газете «Мета» 17 апреля 1932 года.

– Вы правы, – согласился отец Леонтий, вытирая вспотевший бритый череп. – И все же нужны новые методы. Если приручить коммуниста, или советского активиста, или сочувствующего, то можно заполучить в стане противника своего агента, который будет поставлять нам ценную информацию.

– А, по-моему, – не сдавался Крыса, – полезны только мертвые красные – и то в качестве одобрения.

Отец Леонтий, не удостоив Крысу взглядом, с величественным видом удалился. Резун досадливо поморщился: «Зачем ты его дразнишь? Пусть носится со своей новой тактикой, а мы пока и старой обойдемся. Занимайся своим делом и помни: никакой черт тебя не спасет, если ты его вконец разозлишь. Даже Степан Бандера!» Они вышли из подземелья. Порученец Дудка созывал стрельцов на вечернюю молитву. Один за другим выскакивали заросшие щетиной бандеровцы в разномастной «форме», вооруженные автоматами, винтовками, ножами, и падали на колени лицом к вечерней зорьке. Дежурные боевики зажгли свечи. Дудка принес некое подобие копии иконы Божьей матери из львовского собора Святого Юра. Заунывная молитва стрельцов навевала тоску. Иезуит бесстрастно наблюдал за ними. Никто не знал, о чем он просит Всевышнего, молясь в одиночестве в своем бункере.

* * *

Вечером Алексей решил проверить, все ли готово к занятиям. У школьного крыльца беспокойно ковылял сторож и, завидя учителя, похромал ему навстречу, сильно припадая на самодельный протез: «Письмо пану учителю!» В самодельном конверте, заклеенном хлебным мякишем, лежал листок бумаги:

«Коммунячье отродье!

Вся твоя московская пропаганда провалится. Не смей обманывать наших голубят! Школа не откроется, пока мы это не разрешим. Тебе же, агенту НКВД, советуем немедленно убраться, если не хочешь разделить судьбу Струка. Твоя затея бессмысленна. Война еще не закончена, и твоя хваленая Червона армия снова драпанет, даже из самой Германии, как в

июне 1941-го. И сюда вернутся Те, Кто зараз за Карпатами. Спасай свою шкуру, а не то мы ее напьем на елку».

- Кто принес это дерьмо?
- Не вьем, пан... пшепрашем, туварищ начитель.
- Что – оно с неба упало?

Сторож, косясь на листок, сказал, что отлучился по малой нужде, а когда вернулся, конверт лежал на крыльце. Старик виновато смотрел на Алексея, понимая, что принес ему недобрые вести. Наблюдая, как тот ходит по классу, проверяя, все ли в порядке, протирает доску и наполняет чернилами непроливайки на партах, он неодобрительно качал головой: в прежние времена учителя, важные и недоступные, не унижались до уборки – любая деревенская девка за гроши все перемоеет. Возвращаясь домой, Алексей думал о письме. Запугивают. Прикончить его бандитам ничего не стоит, но они почему-то не слишком спешат. Значит, что-то задумали. Возле сельсовета стояли приехавшие из райцентра милиционеры. Они окликнули Алексея.

- То наш учитель, хлопцы, – выглянул из окна председатель. – Свой.
- Сейчас бывает, что свои наших колотят. В темноте не угадаешь, – оправдывались милиционеры. – Как вам хуторские девчата, товарищ учитель? – поддели они Алексея, угощавшего их папиросами.
- Куда там! Дикие какие-то! – отшутился тот.

Милиционеры понимающе подмигнули, а председатель ехидно поинтересовался, дикая ли и та, что возле речки живет, или он ее уже малость подучил? «Вот пройдоха! Откуда только узнал?» – подсадовал Алексей.

- Разгадали хуторцы вашу тайну, товарищ? Это ж скитники, колдуны-ведуны. Под землей на три метра видят.
- Не все они видят-знают. Спрашивал их про трезубец, ну на вилы похож, молчат.
- Трезуб? А где... где вы его видели? – всполошился милицейский старшина.

Алексей протянул ему письмо. Увидев бандеровский знак, старшина нахмурился и посоветовал Алексею уехать из хутора поскорее. Тут шутки плохи. Они сами отбывают на рассвете и могут прихватить учителя с собой. Милиционеру поддакивал председатель, настоятельно советуя Алексею не медлить с отъездом. Ну как им объяснить, что он и сам втайне так думает, но не имеет права все бросить, не дождавшись замены. Не выполнив ответственного задания? Какой же он тогда комсомолец? А еще разведчик... «Рад бы составить вам компанию, да дела не пускают, – нахмурился Алексей, прощаясь с милиционерами. Те долго смотрели ему вслед.

- Вот чудак! – поразился молоденький милиционер, – его же прихлопнут как муху!
- А ты сам-то что здесь делаешь? – усмехнулся старшина. – Каждый свой долг исполняет. Ты – свой, он – свой. Будь он проклят, этот Черный лес! Давайте-ка еще раз прочедем хутор.

* * *

Дома Калина Григорьевич колдовал над прохудившимся сапогом. Хозяйка усадила Алексея обедать. Наваристый борщ разогнал все тревожные мысли. Поев, он предложил Калине Григорьевичу выйти покурить. Мельник отложил сапог и потянулся к Алексеевым папиросам.

- Хвастайте, как дела в школе?
- Трудно, – вздохнул Алексей.
- Да, нелегко, – согласился мельник. Помещение хорошее, жаль.

Хозяйственный мельник уже все продумал: раз школа пропадает, мертвый, так сказать, капитал, без пользы людям, то ее надо будет приспособить под склад зерна, чтобы зазря не пустовала. А парты и всю школьную науку в сарай снести. До лучших времен. Алексей задохнулся от возмущения. И этот туда же! Уж не связан ли с бандой?

– Опоздали вы с вашим предложением, – улыбнулся Алексей. – Должен вас огорчить: завтра утром в школе начнутся занятия!

– Вот гвардеец так гвардеец! – рассмеялся Калина Григорьевич. – Давай, хлопче, действуй! Только помни: здесь тебе не Москва и не Киев. Здесь Скитский хутор. И стоит он на краю Черного леса. А там, болтают, ведьмаки водятся и прочая нечистая сила, не к ночи будь она помянута...

– Ничего, Калина Григорьевич! Разобьют фрица мои дружки, вернутся – всю нечисть отсюда выметут!

Ночью Алексею не спалось. Вскочил на зорьке. Вспомнив, что не подшил свежий подворотничок, достал чистый лоскуток, сложил вчетверо полоску старой газеты, чтобы тот был как накрахмаленный, и взялся за иголку. Полой шинели протер сапоги, начистил пуговицы кителя. Оделся, туго затянув португепю. Причесался, поправил на голове кубанку и глянул в зеркало: в атаку! Алешка! В атаку! По хутору чеканил шаг, как на параде. У школы его встретил сторож. Старик тоже принарядился: надел фуражку-рогоутку с большим треснувшим козырьком. Завидев начальство, старый вояка выпятил воробьиную грудь и щелкнул деревяшкой. Алексей отдал ему честь – с гвардейским шиком, словно козырял командиру дивизии. В канцелярии ему не сиделось, и он вышел в коридор:

- Эй, пан дозорный! Не видать ли кого?
- Чекам, – доложил сторож.

Алексей вышел на крыльцо, взглянул на часы – еще рановато – и замурлыкал:

Барон фон дер Шик,
Отведал русский штык...

К полудню вырвавшиеся из-за горбатой горной хребтины солнечные лучи ласково коснулись школьного крыльца, на котором сидел сгорбившийся Алексей в расстегнутом кителе. Пустая пачка папирос, разинув рот, валялась на земле, отражаясь в начищенном до блеска сапоге хозяина. На ступеньках тосковали кубанка и португепя. Делать нечего. Алексей встал и понуро спустился с крыльца.

Дети так и не пришли.

Глава шестая. Не отступать!

Что произошло? Бандиты запугали ребят? Или их родителей? Вполне возможно. Но как же Пшеманские? Вряд ли лесничий своих удерживал. Значит, что-то другое. Что же делать? Взять за шкирку председателя? Но что это даст? С родителями тоже говорено-переговорено. Но почему его предали ребята? Они нарушили обещание. Этого не прощают мальчишечьи законы... Так что же? В тяжелом раздумье Алексей и не заметил, как повернул к речке. За школьным сараем пряталась Кшися.

- Что ты здесь делаешь, Кристина?
- Вас жду. В школу побоялась зайти.
- Где же ребята? Струсили?
- Мы не за себя, мы за вас боимся! – призналась Кшися.

Накануне вечером по хутору разнесся слух: если в школе начнутся занятия, нагрянет Резун. И первым казнят учителя. Вот они и испугались. Девочку трясло, Алексей, пытаясь ее успокоить, неловко обнял ее за худенькие плечи. Кшися доверчиво прижалась к нему и застыла...

– Ладная картинка! – расхохоталась неслышно подошедшая Ярослава, поигрывая крутыми боками. – Никак лесникова Кшиська! Тю! Не могли получше выбрать, Альошенька? Кшиська-крыська с крысиными хвостиками вместо кос!

- Зачем вы так, Славця!
- Двадцать пять годов Славця. Разонравилась, Альошенька? Стара для вас? А ты, бессовестная, тикай отсюда! Кому говорю!

Девочка, сгорая от стыда, ненавидяще глядела на Ярославу, но с места не сдвинулась. Алексей, поборов неловкость – бабьих сцен ему только не хватало! – мягко попросил Кшисю уйти: «Ты иди... потом поговорим». Та укоризненно взглянула на него и метнулась прочь, закрыв лицо руками.

– Беги, беги! – крикнула ей вдогонку Славця. – Рано тебе еще чужих ухажеров отбивать, крысиная царевна! Пойдем, Альошенька, ко мне, – обернулась она к Алексею, – отпущу вам все прегрешения! Не журитесь, хай ей грець той школе, на що вона вам сдалась? Выпьем по маленькой – и сердце щемить перестанет. Мне тоже все тут надоело! Будем пить и веселиться, как ляхи говорят: вшистка едно – война!

Пропади все пропадом! Алексей расстегнул китель... Ну почему его в бою не убили? Кто он здесь? Всем чужой и бессилён что-нибудь изменить. Он залпом осушил стакан, захрустел огурцом. Ярослава прижалась к нему, что-то ласковое нашептывая. Алексей не слушал... Догорал закат. Алексей спустился к речке, сунул гудящую голову под знобкую воду – и словно пудовый камень с души упал.

- Ну, як, козаче? Життя собаче? – раздался на берегу насмешливый голос.

Алексей выпрямился, надел китель и пошел, не оборачиваясь, к дому под едкое хихиканье Калины Григорьевича, возвращавшегося с мельницы. «Вот пройдоха! Все уже пронюхал!» – злился он. Никогда еще он не чувствовал себя таким опустошенным и разбитым. На

войне ему довелось повидать такое, что и на десять жизней хватило бы. С ранней юности на фронте. Казалось, что четкий и ясный армейский порядок существует повсюду. Алексей не делал никаких скидок на чрезвычайные обстоятельства и, не задумываясь, пожертвовал бы жизнью ради выполнения задания командования. Но здесь его боевая лихость не поможет распутать то, что так замысловато закручено некими невидимыми силами.

Сидеть дома было совсем невмоготу. Алексей решил пройтись. Хозяйский хлопчик Петро нахально осклабился: «Опять до нареченной, пане?», но тут же схлопотал отцовскую затрешину: «Цыть, поганое дите! Зоб вырву!» Мельник пожевал сивый ус, хмыкнул:

– Прогуляться надумали перед сном? Что ж, это полезно...

– Не угадали. Дело есть.

– Знаю-знаю. Сам молодым был, – усмехнулся мельник, глядя из-под вислых бровей. – Да все ж дело-то лучше оставьте до утра. Ночка дюже темная. Мало ли что...

Алексей молча вышел из дома и тотчас окунулся в вязкий, зыбкий мрак. Куда бы пойти? Может, к Пшеманским? Он нерешительно постучал, соображая, как бы объяснить столь поздний визит. Ждал долго: в лихую годину, да еще ночью отворяют не вдруг. За дверью послышались легкие шаги: «Кто тутай? О, пан офицер! Проше, проше... – зашебетала старушка. Семья ужинала. Алексея усадили за стол. Кшися, смущаясь, подала жареную рыбу. Дед похвастался: «Наш Юрек наловил. Настоящий рыбак».

– Проше, пан научитель, – кивнул хозяин на появившуюся на столе бутылку с яркой наклейкой. – Добра польска вудка, най ее хол-лера возьме! Проше. Гей, бабця, где келишки?

– Тераз, тераз. Хвилечку¹⁰, – суетилась старушка, подавая крохотные стопки.

Лесничий наполнил три, четвертую отодвинул в сторону, но сухонькая старушечья лапка цепко ухватила бутылку и капнула себе на доньшко стопки.

Мы млоди, мы млоди,
Нам бимбер не зашкоди...

скрипуче зотянул старик, подкручивая усы. Старушка подпевала ему тоненьким задорным голоском.

– Бабця у нас ни едного дьябла не боится. Бардзо отважна. Клянусь паном Богом! – расхвастался старик.

Потом он стал вспоминать, как сражался под Перемышлем. Алексей подзадоривал его, заявляя, что та война по сравнению с нынешней – детская забава. Старик рассердился, замахал руками, как кочет крыльями:

– Цо! Забавка? Матка Боска Ченстоховска! А «чемоданы»? Один такой снаряд целый взвод зароет, а может, и роту. А баварская конница?

– А танки, – поддразнивал деда Юрек, – а самолеты?

¹⁰ Сейчас, сейчас. Минутку (польск.).

– Подумаешь, чоуги¹¹ – ерепенился дед, но вскоре остыл: на танк с драгунской сабелькой не попрешь.

Алексей вышел в сени покурить, подмигнув Юреку.

– Как же так? У такого боевого деда оказался внук-трусишка? Что ж ты в школу-то не пришел? Испугался?

– Хлопцы не пошли... Что ж я, один буду учиться?

– Покажи всем пример, пусть знают, что ты не заяц пугливый. Приходи завтра, если... если опять не струсишь.

Как же быть? Пойти? Но Гриць предупредил, что тогда уничтожат всю семью и хату спалят. Хотя у них на хуторе пока никого не спалили. Но директора-то убили... А, может, это немцы-окруженцы? Сколько их пробиралось лесами на Запад. Может, пан директор попытался их задержать? Юрек колебался. И все же он пойдет в школу, а если туда нагрянут бандиты, быстро смоемся. Вот хлопцы позавидуют, когда учитель станет заниматься с ним одним! Но Кшиська останется дома (разве девчонка в случае опасности сможет удрать? Она и через плетень-то не перелезет).

– Я приду, Алексей Иванович! – твердо пообещал Юрек.

Утром Юрек в школу не пришел. Тяготясь вынужденным бездельем, Алексей писал подробные конспекты занятий, составлял развернутые планы, перечитал все имеющиеся учебники и методички, которые нашел в директорском шкафу. На все это уходило немного времени, а потом начиналась пытка. Он метался по хутору, уговаривал родителей отпустить детей в школу, но чем больше наседали на них, тем больше они сторонились приезжего чудака, опасаясь гнева бандеровцев. Как-то Алексей заглянул к Терновцу. Тот неторопливо снимал с дерева румяные яблоки, стоя на стремянке.

– Алексей Иванович! – донеслось откуда-то сверху. – Слава Иисусу!

– Здравствуй, Митя! – поднял голову Алексей. – Ишь ты, куда забрался! А когда в школу придешь?

Ответить мальчик не успел. Терновец-старший неловко спрыгнул со стремянки и метнулся в сарай. В лицо оглянувшемуся на шум Алексею уставились черные провалы двустволки.

– Геть с подворья! – рявкнул мужик.

– Вы что? С ума сошли? – удивился Алексей.

– Ничего! Тикай, коли жить хочешь!

Черные пальцы Терновца судорожно скребли ореховое ложе ружья, дрожали на жалах спусковых крючков. Секунда – и сдвоенный заряд медвежьей картечи разворотит грудь.

– Уходи! Богом заклинаю, не доводи до греха!

Алексей шагнул вперед, но мужик, карауливший каждое его движение, упер ему в горло черные дула.

¹¹ Танки (польск.).

– Пристрелю, как пса! Сгинь! – взвыл Терновец.

Алексей побледнел: мгновение – и слепой страх толкнет очумевшего мужика на отчаянный поступок. В таком состоянии даже самые робкие и безвольные смертельно опасны. «Вот где смерть свою встречу, – мелькнула мысль. – Уж лучше бы в бою». Затрещали сучья – и что-то тяжелое свалилось на Терновца, припечатав его к земле. Дмитро проворно схватил родителя за руки и заломил их назад. Мужик бился о каменистую землю, пытаясь сбросить с себя сына. Высвободив одну руку, лупил его кулаком, но мальчишка, визжа от боли, вцепился в отца, как кошка. Алексей схватил ружье, выбросил патроны и оторвал сына от отца. Терновец, с трудом поднявшись, снова пошел на учителя.

– Нехристь! Най тебя гром свисне, гадючье отродье!

– Пане, – заголосил Дмитро. – Дайте ему раза!

– Батька бить наущаешь? Ах, сатана!

Мужик кинулся на мальчишку, но Алексей его перехватил. Терновец ударил противника коленом – учитель отлетел к плетню. Вскочил, развернулся – и Терновец рухнул в навозную кучу.

– Пане! Не надо! Ему так шибко больно! Не шибко, пане! – молил Дмитро.

Дерущиеся ошеломленно уставились друг на друга – грязные, всклокоченные, они враз присмирели.

– Не погубите, пан научитель! Разум теряю. Бандеры не простят – всех замордуют.

Утром Алексея встретил сияющий сторож, щелкнул деревяшкой: «Пришли! Чекают».

– Товарищ Пшеманский! – обрадовался Алексей, полагая, что раз пришел самый смелый, мужественный человек в хуторе, значит, и детей прийдет, а там и остальные подтянутся.

– Хочу поговорить с вами. Дома неудобно, а на людях показываться не следует...

Вот оно что! И этот сдрейфил. Теперь понятно, почему Юрек не пришел. Эх, лесничий, а казался таким гордым, таким независимым... Пшеманский понял, какие мысли одолевали учителя.

– Скажу начистоту. Вы – человек с Востока. Вам трудно понять нашу жизнь, поэтому хочу вам рассказать то, чего вы не знаете и, может, не успеете узнать.

– Знакомая песня. Невесело вы настроены, товарищ Пшеманский!

– Да нет. Настроение у меня превосходное. Наши скоро Гитлеру шею свернут. Но я хотел вам кое-что показать, – продолжал он, доставая из кармана сложенный вчетверо листок с изображением трезубца. – Утром со своих ворот снял – медом приклеили. Предупреждают: «Будем ляхов ризати».

– Но почему именно поляков?

– Это старо как мир: разделяй и властвуй. Здесь ведь как повелось: нового человека первым делом спрашивают, кто он – хохол, лях, жид, а может, москаль? Это и определяет дальнейшие отношения. Гитлеровцы эту политику насаждали особенно рьяно. Как и «пташники» –

изменники из особого батальона «Нахтигаль», состоявшего целиком из украинских националистов.

- Кажется, по-немецки это соловей?
- Верно. Поэтому народ и окрестил их «пташниками».

Многое рассказал о них лесничий. Но далеко не все: «пташники» и их хозяева не стремились афишировать свои деяния, стараясь держать их в глубокой тайне. Тайное стало явным лишь позднее. Алексей понял: здесь шла самая настоящая война, жестокая, кровавая, из-за угла. И убийство Струка уже не казалось таким загадочным. Но как понять председателя сельсовета, который умудрялся сохранять нейтралитет в этой ситуации? Уж не в сговоре ли он с бандитами?

- Не унывайте, Алексей Иванович! Школу мы с вами все равно откроем! Эй, байстрюк, где ты? – позвал он сына, притаившегося в коридоре. – Вот вам первый ученик. Спрашивайте с него строже – он обязан стать образованным человеком. А то, что струсил сам прийти...
- Ойтец! Вы же обещали! – умоляюще прошептал Юрек.
- Ладно, не скажу. Поучись первые дни, стоя за партой, – усмехнулся лесничий, подмигнув Алексею. – Когда ему завтра в школу приходиться?
- Да мы сейчас и начнем. Не возражаешь? – обратился Алексей к Юреку.
- Да вот хлопцы собрались рыбачить... – смутился мальчик.

Утром Юрек, причесанный и принаряженный, ждал учителя в коридоре. Сторож затряс древним колокольчиком – урок начинается! Алексей заполнил классный журнал:

- Пшиманский! К доске!
- Естем! – радостно прозвучал звонкий голосок.
- Нужно говорить: «Здесь» и вставать.
- Добже... Слухам, пан научитель, сказал Юрек, доставая из сумки самодельную тетрадь и деревянную вставочку с пером.¹²
- Опять «пана» вспомнил? – нахмурился Алексей.

С чего начинать? Мальчик умеет читать и писать. Наверное, с истории. Однако первобытнообщинный строй и рабовладельческие государства – Урарту, Древняя Греция, Древний Рим с их богами подождут. Здесь и сейчас важно другое. Алексей решил начать с Великой Октябрьской революции, свершившейся в октябре 1917 года... С того, что наше Отечество – первое в мире государство рабочих и крестьян. Объяснял он доходчиво, простыми словами, чтобы не смущать мальчика незнакомыми словами. Затем последовали уроки географии и арифметики, отделяемые друг от друга трелью звонка – перемена. А еще физкультура. В школьном дворе даже турника не было. «Придется самому сделать», – подумал Алексей, посетовав на свое упущение.

- Посмотрим, как ты прыгаешь в длину, – вышел из положения учитель, отмеряя расстояние шагами. – Метра два с половиной осилишь?
- Три, – пискнуло за забором.

¹² Пишущая ручка – круглая деревянная палочка, наподобие карандаша, с металлическим наконечником, куда вставлялось перо. Школьники писали металлическими перьями № 14, пользуясь пластмассовыми чернильницами-непроливашками, еще многие годы после войны.

Алексей обернулся. Затрещали кукурузные заросли, стайка мальчишек бросилась враспынную. Юрек крикнул им, чтобы они не боялись и не убежали, но тех уже и след простыл. Он был уверен, что ребята обязательно вернуться, пусть учитель не сомневается, еще и парт не хватит на всех. А вот Кшиську бабця заставила стирать, а то она прибежала бы. Бабця хвоярая, спина болит. Кшиська даже ревели, но бабцю жалко. «Правда-правда, як Бога кохам!» – побожился мальчишка.

– Ты веришь в Бога?

– Конечно! В него все верят! – удивленно взглянул Юрек на учителя: «Как он этого не понимает, а еще взрослый!».

Алексея слова мальчика озадачили: здесь настоящий медвежий угол – «святые» в пещере под Блаженным Камнем, распятие у дороги, хаты иконами увешаны, а в лесах бандитье. Кристина на следующий день не пришла – якобы не управилась со стиркой. Зато появился пастушонок. Алексей вошел в класс – и мальчишки дружно вскочили, поклонившись. И вновь – история, география, география и физкультура. Не по утвержденным учебным планам – по ситуации. Алексей задумал соорудить спортплощадку, чтобы можно было и в футбол поиграть. До войны он и сам любил мяч погонять. Ребята обрадовались. Юрек пообещал принести лопату из дома. Но все же без взрослых в таком деле не обойтись. Хуторяне мялись, поглядывая друг на друга, но все же согласились помочь: «Подмогнем, коли нужда, Делов об эту пору негусто...». Дошла очередь и до председателя сельсовета – власть обязана посодействовать благому делу.

– С чем пожаловал, народное образование? – встретил его председатель. – Помощь нужна? Всем от меня чего-то надо, – пробурчал он. – А разве я могу всех ублажить? Футбол гонять? Надо же такое удумать? Только содействовать тебе не могу. Ты же мужикам бимберу не выставишь? Денег не заплатишь? А у нас тут так: как потопаешь, так и полопаешь. Ну и что, что это для их же детей нужно? – отмахнулся он от возмущенного Алексея. – Да и учеников-то всего – два сопливца, один из которых вшивая безотцовщина. Ты даже не директор, а не пойми кто, – вконец окрысился председатель.

– Но не сидеть же сложа руки и ждать у моря погоды? Раз меня сюда назначили – буду работать, не жалея сил.

– Глупой ты, Алексей Иванович! Пуп надорвешь! Ничего-то ты в наших здешних делах не смыслишь. Обстановка-то невеселая...

– Какой же вы коммунист! Эх, нет у вас тут партийной организации, – разозлился Алексей. – Пыль-то из вас быстро бы повыбивали.

– Вали отсель, выбивальщик!

Алексей обматерил его от всей души, но тот лишь крякнул и взялся за счета. Возле школы его поджидали ребята. Был с ними и Митя Терновец. Поздоровавшись с ним, Алексей спросил, не попадет ли ему от батьки, если тот дознается? «Он зараз хворый, спину пересекло. На печи отлеживается», – лукаво улыбнулся мальчишка. «Заседание» устроили прямо на школьном крыльце: разработали план, распределили обязанности. Но вот на чем песок водить с реки для спортплощадки? Сельсовет лошадь не дает, а корзинами много не натаскаешь. Пастушонок предложил незаметно умыкнуть чью-нибудь телегу, а коня он и сам выкрадет. Алексею идея понравилась, он и сам бы не прочь лошадь увести. Но... он же учитель! Может, у кого в хуторе тачка есть? Оказалось, что есть. У священника. Пришлось Алексею тащиться в церковь, кланя на чем свет и тачку, и весь Скитский хутор. В розовом отсвете угасающей зорьки поблескивал восьмиконечный крест невысокой деревянной колокольни.

Глава седьмая. Убежденный атеист

Алексей считал религию шарлатанством. Еще в пионерском лагере они с ребятами горланили под барабанную дробь:

Долой, долой монахов,
Раввинов и попов!
Мы на небо взберемся,
Разгоним всех богов!

В школе устраивали антирелигиозные диспуты, естественно-научный кружок разоблачал нехитрые фокусы церковников, зоолог доказывал абсурдность легенды о Ноевом ковчеге: как удалось премудрому Ною разместить на углу суденышке «чистых и нечистых»? Химичка показывала на уроках, как получить «божью кровь». Ребята зачитывались популярным журналом «Безбожник» и всем классом ходили в антирелигиозный музей. . . Все было тогда легко и просто – мир делился на «хороших» и «плохих», «белых» и «красных», трудящихся и эксплуататоров, друзей и врагов. А с Богом у Алексея в ту пору никаких осложнений не возникало. Однако потом. . . Впервые он столкнулся с теневой стороной бытия в маршевой роте. Рябой, хитромордый старшина выдал ему ботинки на два размера больше. Заменить согласился, но все оттягивал и оттягивал.

- Ты, паря, подкинь ему на четвертинку – враз обувку подберет.
- Как это «подкинь»? – поразился Алексей. – Где я ему водку достану?
- Деньги дай – он сам найдет.

Вот тебе и Красная Армия! Взбешенный Алексей рванул к старшине.

- Я вам должен водку купить?
- купишь – милое дело. А с ботинками мы утрясем.

Кулаком снизу в подбородок, как учил отец, – и старшина простучал затылком о стену казармы.

- Ах ты, щеня! – взревел тот, бросаясь на Алексея.

Тут бы ему и конец пришел, если бы не послышался голос командира роты. Старшина не растерялся:

- Беседу провожу с молодым бойцом, товарищ старший лейтенант. По уставу. . .

Когда начальство скрылось за углом, он сказал примиряюще:

- А ты не клязник.
- А вы позорите звание красноармейца, вымогатель несчастный! Подберите мне ботинки, как положено!
- Что положено, то в котел заложено! Ишь, какой законник нашелся!

Старшина, изрыгая трехэтажные конструкции, ботинки все-таки подобрал. Много с той поры повидал Алексей, научился отличать настоящее от фальши, умел и за себя постоять. Не скрывал своего мнения и не слишком заботился о том, чтобы скрывать его от начальства. За что ему нередко доставалось на орехи.

Однако с Богом было не все так просто: ладанка на шее солдата в бане, раненый, обезумевший от боли и лихорадочно шепчущий молитву, кресты из веток на свежих холмиках погибших в недавнем бою. Стоит закрыть глаза, как всплывает в памяти жуткая картина: немцы, зажав полк танковыми «клещами», обрушили на пехотинцев град огня. Окровавленный телефонист иступленно тычется измазанным глиной лбом в дно блиндажа, сотрясающегося от мощных разрывов снарядов и бомб: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Спаси! Не дай сгинуть, ты же можешь!!» Забитые молящимися церквушки и величественные костелы, торжественные звуки органа и тусклое золото алтарей... В самом храме, куда Алексей заглядывал поначалу из любопытства, он испытывал сильное волнение и необъяснимую робость. Но только в храме. Самих же служителей церкви он считал шарлатанами и тунеядцами. И вот теперь он вынужден просить помощи у одного из них.

– Вот что, – начал Алексей, не зная, как обратиться к священнику. – Вот что, э... гражданин. Школе понадобилась тележка – песок возить для спортплощадки.

– Простите, что вам нужно, сын мой? – не понял священник.

– Тележка или тачка, – рассердился на себя Алексей: «И зачем я сюда приперся?»

– Но школа же, насколько мне известно, не функционирует и...

– Ваши сведения устарели, мы начинаем работать...

Подоспевший Калина Григорьевич объяснил суть дела. Священник одобрил сооружение спортплощадки, заметив, что закаливание укрепляет плоть и дух, способствует послушанию. Дело, угодное Всевышнему. Ежели есть в чем нужда, он покорнейше просит пользоваться церковным инвентарем: «Приходите, берите. Благое дело, сын мой». Алексей нервно комкал в руках кубанку и беспокойно оглядывался на прихожан, выходящих из церкви. Священник при этом не преминул обратиться к своей пастве:

– Благое дело, люди! Крупицы знаний несут нам благодать. Разумное и полезное начинание следует приветствовать и всячески поддерживать.

– Поддержать безбожника?! Помогать коммунистам?! К этому вы нас призываете, батюшка?

Священник теребил дрожащими пальцами наперсный крест:

– Слуги Божьи в мирские дела не вмешиваются, судьбы человек в руке Всевышнего. Утром, сыне, заберите инструменты, которые вам могут понадобиться. Там, в сарае...

Он занес руку для благословения, но вовремя спохватился и поспешно скрылся в церкви. Прихожане стали расходиться. Калина Григорьевич взял Алексея под руку и зашептал доверительно, что работать в воскресенье – большой грех. Алексей согласился, усмехаясь: «И на фронте по воскресеньям не воевали. Еще с субботы в атаки не ходили, ложились пупками вверх и грелись на солнышке. А фрицы – тоже люди богобоязненные – в нас не стреляли. Но вот Струка-то в воскресенье убили!»

Солнечным утром, теплым не по-осеннему, ребята собрались возле школы. Кроме Пшиманских и пастушонка, Алексей заметил Митю Терновца, Михася и Кольку, а рядом с Кшисей стояла большеглазая дочка монашки-василианки. Притопал сюда и Гапка – придурковатый добродушный великан, невесть когда прибившийся к хутору и почитаемый за блаженного. Он прикатил тачку с лопатами и ломом – все это прислал священник. Даже Гриць пришел с пилой.

Алексей распределил обязанности и пошел размечать площадку. Гапка закинул пастушонка в тачку и рысью помчался за песком. Узкой доской замеряли длину и ширину площадки. Дочка монашки, потупив взор, помогала Кшисе забивать колышки. Девочки поминутно спрашивали: «Так, Алексей Иванович? Правильно, Алексей Иванович?»

Ого-го! – донеслось снизу от реки. Вверх ползла, подпрыгивая и кренясь, тачка с песком, на которой гордо восседал пастушонок, радостно скаля зубы. Гапка, разбежавшись, опрокинул груз и вместе с пассажиром кубарем скатился вниз под грохот догонявшей их тачки. Ребята захлебывались от смеха. Не удержался и Алексей. Один только Гриць не отрывался от дела, презрительно поглядывая на барахтающихся в песке мальчишек: этим лишь бы не работать. Вот люди!

– Алексей Иванович! – окликнул учителя Юрек. – Вон на мостике мужики сигарки смоят – пришли поглядеть на нас.

– Что ж, пусть посмотрят, как их дети трудятся, им это полезно...

Глава восьмая. Лесные шорохи

В бункер-казарму спустился высокий смуглый парень с гранатой на поясе. Бандиты вповалку лежали на нарах, в прокуренном затхлом воздухе помаргивал ночник от раскатов густого, с посвистом храпа. У стола дремал дневальный, зажав коленями автомат. Вошедший отыскал Ворона. Тот, уткнувшись лицом в ладони, никак не хотел просыпаться. Наконец, оторвав взлохмаченную голову от грязной подушки, набитой соломой, хрипло спросил:

– Что? На пост заступать, Евгений?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.